

МИРЫ А. ВАЛЕНТИНОВА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

**НЕБЕСА
ЛИКУЮТ**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЭНТЕЗИ

ЭКСМО

Андрей Валентинов

Небеса ликуют

«Автор»

2000

Валентинов А.

Небеса ликуют / А. Валентинов — «Автор», 2000

Допустимо ли будущему Святому играть на гитаре? Можно ли с помощью пауков и клещей вершить судьбы народов? Что успел предсказать бывший подмастерье-башмачник, оказавшийся новым Нострадамусом? Эти вопросы – не самые сложные из тех, ответы на которые приходится искать главному герою этой книги, священнику-иезуиту, маленькому «винтику» всесильного Общества Иисуса Сладчайшего. XVII век, век могущества отцов-иезуитов, пытавшихся покорить не только Настоящее, но и Грядущее. Герою нового фантастического романа Андрея Валентинова приходится делать трудный выбор. Небеса ликуют – не беса ли куют?

© Валентинов А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Ex scriptum	5
Небеса ликуют,	6
Предуведомление	6
Книга первая,	8
Главы I–III	8
Глава IV	9
1	9
2	12
3	16
4	21
5	24
6	30
7	34
Комментарии Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора богословия	36
А	36
В	36
С	36
Глава V	38
1	38
2	41
3	45
4	51
5	55
6	56
7	60
Комментарии Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора богословия	66
D	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Валентинов

Небеса ликуют

*Пусть дьяволы заполнят свет,
Оскалив мерзостные пасти,
В сердцах у нас сомнений нет —
Мы завоюем людям счастье!*

Мартин Лютер

*Есть сила в ученье и замыслах Мора,
Ее сквозь века понесет Борисфен.
Здесь бурей ломает гнилые опоры,
И шторм стал стихией иных атмосфер.*

Мишель Нострадамус

Ex scriptum

8 октября 1698 А. Д.

Его Высокопреосвященству Франческо Стратобоска, Генералу Общества Иисуса Сладчайшего.

Монсеньор!

Высылаю сигнальный экземпляр известной Вам книги. Тираж будет опубликован в Виттенберге в течение ближайшего месяца.

Что нам следует предпринять?

Никола Фарина, супериор Германии.

* * *

12 октября 1698 А. Д.

Дорогой брат!

Думаю, ничего особенного нам предпринимать не следует.

В этой книге не затронута ни одна из настоящих тайн Общества. Что касаясь остального, то кто поверит очередным измышлениям господ протестантов? Вы бы поверили?

Целесообразно пустить слух о том, что рукопись подброшена в Виттенберг не без нашей помощи. Неплохо бы также узнать имя автора. Не сам ли мессер де ла Риверо сие написал? Ведь мы оба знаем, почему Св. Адам не мог быть автором этих записок.

Вот если бы в Виттенберге издали его подлинные мемуары! Но о таком лучше даже не думать. А посему можно считать, что все делается *ad maiorem Dei gloriam*.

Кстати, как вам предложение Конгрегации запретить публичные сожжения еретиков? Кажется, восемнадцатый век, о котором так вздыхают наши либералы, уже наступил!

Ваш Франческо Стратобоска, Генерал.

**Небеса ликуют,
или Правдивое повествование о дивном, многотрудном
и весьма необычном путешествии в Рутенийскую
землю, называемую также Русью, составляющую
полуденную часть Республики, более часто именуемой
Полонией или Польшей, случившемся в году от
Рождества Христова 1651-м, от начала же правления
Его Королевской Милости Яна-Казимира третьем,
а также содержащее некоторые сведения, могущие
послужить будущей беатификации недостойного раба
Божьего Адама де Гуаира, исповедника четырех обетов
и коадьюктора Общества Иисуса Сладчайшего, волею
Господа нашего Иисуса Христа написавшего эту книгу.
С сокращениями и дополнениями высокоученого
мужа Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора
богословия и профессора университета в Виттенберге.**

Предуведомление

Представляя на суд многоуважаемых читателей эту книгу, долженствующую выйти в свет тпцанием и иждивением Ученого Совета университета славного города Виттенберга, считаю необходимым высказать некоторые важные соображения.

Нет слов, издание этого труда именно в Виттенберге, отчизне и цитадели Великого Лютера, может вызвать удивление, ежели не сказать больше. Стоит ли тратить силы наших трудолюбивых печатников на сочинение, принадлежащее перу ярого мракобеса и врага всего того, за что боролся Реформатор? Автор книги, Адам де Гуаира, не просто убежденный папист, положивший немало сил на распространение этого ошибочного и еретического учения. Отец Гуаира, как он часто называл себя, принадлежит к сонму черных агтелов, словно в насмешку именуемых Обществом Иисуса Сладчайшего. Нет нужды распространяться о кровавых преступлениях иезуитов, ныне проклятых всеми, кому дороги дело Божье и человеческий прогресс. Среди тех, кому не избежать в будущем суда Господнего и людского, Адам де Гуаира занимает поистине одно из самых, если так можно выразиться, почетных мест. Нет нужды добавлять, что я, с юных лет преданный идеям свободы, с негодованием отвергаю всякое не только участие, но и сочувствие тому, что делали и замыслили отец де Гуаира и ему подобные.

Вместе с тем данная книга по-своему поучительна. Махровый реакционер и ретроград достаточно откровенен в своих писаниях, и эта откровенность позволяет обличить мерзкий злокозненный папизм куда действеннее, чем сочинения наших публицистов и ученых. Посему я и рекомендовал высокоученому мужу Андреасу фон Курцхальдену, ректору славного Вит-

тенбергского университета, издать данную рукопись, с чем он, к радости моей, тут же согласился, попросив меня доработать и дополнить оную.

Необходимость этого очевидна. Несмотря на свою поистине сатанинскую гордыню, Адам де Гуаира – писатель слабый и неумелый. С первых же страниц читатель заметит рваный, неровный стиль, отсутствие элементарной логики, постоянное перескакивание с предмета на предмет, нелепые, бессмысленные эпитафии. Ему присуще также увлечение самой черной мистикой и одновременно – многими модными среди папистов лженаучными теориями, подобными Коперникову суесловию и учению гнусного фанатика Марианны Кастильского о так называемых «неотъемлемых правах человека». Не говорю уже о нелепых и опасных измышлениях Богом проклятого еретика и бунтовщика Фомы Колокольца¹, столь любезного сердцу нашего автора.

В области чисто литературной самонадеянный иезуит вслед за некоторыми нашими земляками считает, что настоящая книга – это не просто поучительный и интересный рассказ, она (нелепейшее заблуждение!), подобно энциклопедии, должна охватывать весь круг доступных автору знаний. В этих целях отец Гуаира не поленился снабдить данный труд многочисленными и откровенно скучными отступлениями, посвященными разным областям науки и искусства. Все это написано, разумеется, с глубоко антинаучных, поистине иезуитских позиций. Можно только представить, какова цена иезуитской «энциклопедии»! Ясное дело, наш читатель не нуждается в подобных псевдознаниях, а потому я смело сократил ряд глав, ограничившись их эпитафиями, то есть коротким пересказом. Эти места специально оговорены в тексте.

Вместе с тем книга нуждается не только в сокращениях, но и в добавлениях. Это необходимо, дабы разъяснить читателю многие неясные моменты, а также опровергнуть ложь, на которую весьма щедр заслуженный иезуит. Я, будучи невольным – видит Господь – свидетелем описываемых событий, считаю своим долгом установить истину. Эти примечания также специально оговорены.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что наступающий век, Восемнадцатый от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, развеет, словно болотный туман, все старания и ухищрения таких, как Адам де Гуаира, и явит миру невиданный прогресс человеческого духа. Личности, подобные автору этой книги, займут места в самой пыльной комнатухе Паноптикума Истории.

Гарсиласио де ла Риверо.

Виттенберг, октябрь А. D. MDCXCVIII.

¹ Фома Колоколец – Томмазо Кампанелла.

**Книга первая,
рассказывающая о путешествии из Кастильских
Индий, именуемых также Америкой, или Новым
Светом, в Соединенные Провинции, а также в
Италию и о том, что происходило с автором сего
повествования в городе Риме, известном также под
именем Вечного города, которая может быть названа
Облако Южный Крест**

**Главы I–III
Эпитама**

В этих главах Адам де Гуаира весьма многословно рассказывает о своем путешествии на голландском корабле «Принц Морис» из порта Буэнос-Айрес в Амстердам, а также о переговорах, которые он вел в этом городе с представителями Ост-Индской компании Соединенных Провинций. Тут же приводятся пространные и совершенно излишние рассуждения о веществе «гаучо», называемом также каучуком, о строительстве плотин, способах борьбы с коррозией, а также о перспективах морской торговли и совершенствовании торговых путей из внутренней Бразилии к Атлантическому океану.

Из Амстердама автор направляется на португальском корабле «Тахо» в Остию, после чего прибывает в Рим. Следует долгое описание красот и достопримечательностей Вечного города, справедливо именуемого всеми друзьями истины Вертепом Блудницы Вавилонской и Пристанищем Антихриста.

Глава IV

О том, что довелось увидеть и услышать на Campo di Fiori, а также о школах Комедии дель Арте, неаполитанских винах и о пользе еретиков

*Илочечонк: Но отчего мне возвращаться к людям, отец мой, Я-Та?
Я изучил их повадки и обычаи и скажу, что смело выбираю нашу вольную
жизнь в Прохладном Лесу.*

Я-Та: Ты человек!

*Илочечонк: Нет! Я – ягуар и сын ягуара! Мне нечего делать среди
людей! Я выбираю Прохладный Лес!*

*Я-Та: Да, ты выбрал, значит, ты – человек. Звери не умеют
выбирать.*

Действо об Илочечонке, явление третье

1

Костер уже догорел.

Давно – полвека назад.

Костер догорел, и обугленный прах Великого Еретика без следа сгинул в желтоватой воде Тибра.

Campo di Fiori – площадь Цветов.

Я не был здесь двадцать лет и в первый миг не узнал это место. Дома, старые, обшарпанные, занавешенные белыми штандартами мокрого белья, казалось, вросли в серую брусчатку, став ниже, и мне уже не приходилось задира́ть голову, чтобы рассмотреть растрескавшуюся лепнину карнизов и нелепые круглые башенки с осыпавшимися зубцами. И сама площадь скукожилась, теряя пространство, задыхаясь в сером каменном кольце.

Я посмотрел вверх, на окруженное красными черепичными крышами небо. Оно осталось прежним – блеклое, с бесформенными клочьями низких туч. Холодное февральское небо. Утром прошел дождь, но после полудня проглянуло солнце – тоже блеклое, больше похожее на луну в третьей четверти, решившую покинуть свой эпицикл и забрести на дневной небосвод. Теплее не стало – промозглый ветер был вездесущ, и даже мой плащ – новый и, если верить словам амстердамского проныры-лавочника, необыкновенно теплый – помогал мало.

Февраль. Италия. Илочечонк, сын ягуара, вернулся к людям.

* * *

Узкая улочка, название которой я забыл начисто, осталась позади. Неровный булыжник лег под ноги, и я оглянулся, все еще не веря. Двадцать лет! Тогда площадь казалась мне огромной и почему-то страшной. Глаза искали темное пятно давно отгоревшего костра, хотя я твердо знал, что искать здесь нечего, и разве что дряхлые старухи, выглядывавшие из-за некрашенных ставен, могли вспомнить тот далекий день, когда небо услышало предсмертное молчание Джордано Ноланца.

Странно, никогда не любил этого еретика! Тут мое мнение полностью совпадало с приговором Святейшего Трибунала. Но все-таки что-то в этом страшном человеке, обрушившем Небо на Землю, было – недаром я запомнил рассказ падре Масселино, когда-то стоявшего

в толпе, окружавшей костер. Запомнил – и попросил сводить меня на площадь. Странная просьба для новicia римского коллегиума, но старик почему-то не удивился. Тогда тоже был февраль, дул холодный ветер, и Campo di Fiori была пуста и огромна...

Меня толкнули, и я наконец-то очнулся. Вовремя – толпа окружала со всех сторон, и в первый миг я никак не мог сообразить, каким образом эти люди оказались тут и почему пуста площадь...

Я оглянулся – и все понял. Площадь, конечно, не была пустой. Плохо смотреть на небо – и под ноги тоже плохо. А еще хуже бродить по переулкам воспоминаний и пустым площадям прошлого. Хотя я почти что угадал – толпа, когда-то окружавшая помост, на котором умирал Ноланец, вновь собралась тут, на неровном булыжнике, и помост оказался тоже на месте – в самом центре. Такой же, как тогда, – деревянный, в пол моего роста. Нынешнего – тогда, в тот далекий зимний день, я едва достал бы до края подбородком.

Помост был на месте, но на нем никто не умирал. Никого не убивали – просто били палками. В полный размах, с присвистом, под гогот и хлопанье десятков ладоней.

Тот, кого били, застрял в окне и теперь пытался вырваться, размахивая ногами в тяжелых желтых башмаках. Каждая новая попытка припечатывалась очередным ударом сучковатой дубинки и одобрительными криками собравшихся. Экзекутор – в нелепом полосатом трико и пятнистой маске с длинным носом – то и дело оглядывался, словно ожидая одобрения.

– Bravo! Bravo!

Новый крик подстегнул обоих – и носатого, и того, кого лупили. Ноги в нелепых желтых ботинках дернулись, да так, что задрожали стены...

...Фанерные, свежепокрашенные, ненастоящие – как и окно, как длинный нос экзекутора в маске. Полвека не прошли даром. Трагедия забылась, и теперь на том же месте такая же толпа собралась поглазеть на комедиантов.

И вновь вспомнилось. Падре Масселино рассказывал, что в Кастилии первые Акты Веры проводились при помощи постановщиков рождественских мистерий. Что ж, кемадеро – тоже театр! Те же зрители, актеры, постановщики. А тем, кто не хотел играть, помогали, чем могли. Как Джордано Ноланцу, которому, по слухам, зашили губы. Только суровые нитки могли заставить молчать Еретика...

Сосед – плечистый детина в крестьянской куртке мехом наружу – толкнул меня локтем и,дохнув луком, что-то проговорил, кивая на помост. Не думая, я кивнул в ответ, постаравшись улыбнуться. Кажется, я подзабыл итальянский. Немудрено! В Прохладном Лесу, где жил Илочечонк, говорят на ином языке.

А на сцене вновь кого-то лупили, и снова палкой – по-моему, той же самой. Длинноносый куда-то исчез, зато появилась девушка в малиновой блузке и красно-зеленой юбке – и тоже в маске, а рядом с ней ползал по неструганым доскам помоста некто в красном, в знакомой четырехугольной шляпе. Малиновое рядом с красным, два ярких пятна на фоне лилового занавеса...

– Bravo! Bravo!

Я не поверил своим глазам. Кажется, Комедия дель Арте, на представление которой довелось неожиданно-негаданно попасть, тоже изменилась за эти годы. В детстве такое приходилось видеть не раз: Ковьелло, Пульчинелло, Скарамуччо, Тарталья, Леандро... Простак, Интриган, Забияка, Злодей, Красавчик. Веребочные лестницы, любовные записки, розыгрыши, драки. Ну и, конечно, Серветта с Коломбиной, на которых мы, желторотые новicia, дружно пялили глаза. Но никто из них не щеголял в красной мантии да еще и с большим наперсным крестом. Медным, само собой, но с явной претензией показаться золотым.

– Bravo!!!

Теперь красную мантию охаживали с двух сторон. К красавице в маске присоединился давешний носатый – на этот раз с вожжами, и я окончательно понял, что со зрением у меня все в порядке. Приходилось признать очевидное: на площади Цветов, всего в часе неспешной ходьбы от иной площади – Святого Петра, лупили кардинала. Лупили при всем честном народе, с явного одобрения добрых римлян.

– Bravo! Bravissimo!

Кардинал сделал явно неудачную попытку отмахнуться от очередного удара уже замеченным мною крестом. В ответ носатый – судя по всему, Арлекин – надел ему на голову валявшийся тут же мешок, предварительно ловким движением сбросив с бедняги красную шляпу. Это вызвало новый взрыв эмоций, а я еле удержался, чтобы не перекреститься. Да, Илочечонк давно не бывал в людской стае! В Прохладном Лесу все проще...

Девушка в разноцветной юбке, на миг опустив дубинку, повернулась к публике и левой – свободной – рукой послала ей воздушный поцелуй. Наверно, это Коломбина. Правда, в прежние годы Коломбины не лупили кардиналов, а если и лупили, то не на сцене. В частной жизни Их Высокопреосвященств (по крайней мере некоторых) случалось и не такое.

Кто в жизни сей похабен и развратен,
Тому дубинки вид зело приятен.
Грехам его ведется точный счет,
И мантия злодея не спасет!

Это, судя по всему, – резюме происходящего. Как говорят французы – *moralite*. У Коломбины оказался приятный голос – несмотря на нелепые вирши, от которых сразу же свело скулы.

Кардинал, по-прежнему в мешке, надетом на голову, уже уползал со сцены, подгоняемый пинками, щедро раздаваемыми неутомимым Арлекином, Коломбина кланялась, а я, все еще не веря, оглянулся, пытаясь понять, что это творится в Вечном городе. Конечно, Его Высокопреосвященство ненастоящий, как и побои, им вкушаемые, но все-таки... Или за мое отсутствие сюда добрались ученики мессера Кальвина? Впрочем, нет, Женевский Папа первым делом запретил театр. Арлекинам там не плясать. Значит, все? Излупили неведомого мне злодея в желтых башмаках, отдубасили кардинала – и по домам? *Comedia finita*?

Конечно, нет! Гром, треск, даже, кажется, молния – и дверь, такая же фанерная, как и все остальное на сцене, распаивается. Некто в шляпе с малиновым пером, в огромном воротнике-жабо и черном камзоле, не торопясь, выступает вперед. Знакомые желтые башмаки топают о доски помоста. Огромная шпага, пристегнутая почему-то впереди, а не слева, волочится по земле, путаясь под ногами, за поясом – пистоль с широким дулом. Как говорят те же французы, *voilà*!

Впрочем, это явно не француз. В Париже ныне носят отложные воротники и предпочитают цветные камзолы. Черное в моде южнее. Там, где шпаги пристегивают у пупка.

Шпага – из ножен, рука в грубой перчатке оглаживает огромные нафабранные усищи.

Безбожным итальяшкам в наказание
Устроим то, что делали в Кампанье!
Там, где пройдет походом наша рать,
Веревки будут тут же дорожать!

Характерный акцент не дает ошибиться, а упоминание о Кампанье ставит все на свои места. Испанец! Вот, значит, кто сейчас исполняет обязанности Капитана! И немудрено, испан-

цев здесь любят – даже больше, чем немцев. Восстание в Кампанье было утоплено в крови два года назад. А еще раньше – Неаполь, Сицилия, Калабрия...

Дружный рев был ответом. На миг я испугался за актера. Итальянцы – народ горячий.

Испанец вновь машет шпагой, дергает себя за ус. Из приотворенной двери выглядывает физиономия Кардинала – с уже нарисованными синяками. Вояка оглядывается, топает ногой, кончик шпаги деревянно стучит о помост.

Пожалуй, сообщить в Мадрид мне надо,
Пускай король пошлет сюда Армаду!

И снова – рев, но уже одобрительный, а следом – хохот. Великую Армаду помнили. Опо-
зоренные паруса герцога Медины ди Сидония заставили навеки забыть о славе Лепанто.

Но Армады нет, а Арлекин – тут как тут, и тоже – со шпагой. Дерево грозно бьет о
дерево...

Я понял – дальше можно не смотреть. Эта драка – финальная. Сейчас зло будет нака-
зано, а добро – вознаграждено привселюдным поцелуем. Комедия! В комедии так все и бывает.
Вокруг кричали, хлопали в ладоши, сосед хлопал меня по плечу, возбужденно тыкая в сторону
сцены толстым пальцем...

...Илочечонк тоже встречался с Испанцем. Несколько лет подряд я играл сына ягуара,
Испанцем же был брат Фелипе, чистый ирландец, несмотря на итальянское имя. Его испан-
ский акцент был бесподобен, как и начищенная до блеска кираса вкупе со стальным шлемом
– настоящим. Именно такими запомнились «доны» в наших краях. В Прохладном Лесу жабо
не наденешь.

Два года назад мы остались без Испанца. Брат Фелипе погиб в случайной стычке с отря-
дом бандерайтов. Уже мертвому, ему отрубили голову, выжгли глаза...

* * *

– Синьор! Синьор!

В первый миг я не понял, к кому это обращаются. «Синьором» бывать еще не приходи-
лось. В коллегииуме я был «сыном», в Прохладном Лесу – «отцом» или попросту «Рутенийцем».

– Вам не понравилось, синьор?

В первый миг я не узнал Коломбину – без маски и не на помосте. Оказывается, *comedia*
действительно *finita*, и благодарные зрители спешат вознаградить актеров, кидая свои байокко
и редкие скудо прямым в шляпу, которую только что носил надменный Испанец. Этим делом
и занялась Коломбина. Кто же откажет такой красавице?

Отвечать я не стал. Не стал и улыбаться. Монета тяжело упала на грудь мелочи. Ответом
был изумленный взгляд.

– Синьор! Вы, кажется, ошиблись! Вы кинули цехин...

Я пожал плечами и повернулся, решив, что комедия действительно кончилась. Пора! Я
и так задержался, позволив себе вспомнить прошлое и прогуляться по этим тихим улочкам и
маленьким площадям. До монастыря Санта Мария сопра Минерва, где меня ждут, еще идти
и идти.

2

Крик я услышал уже за углом. Площадь осталась позади, теперь следовало повернуть
налево, к Форуму, к старым разбитым колоннам, призраками встающим из серой земли...

И снова крик – громкий, отчаянный вопль десятков глоток.

Я нерешительно остановился, повернулся. Кричали сзади, там, где была площадь. Похоже, представление все же не кончилось. Не только не кончилось, но и актеров явно стало больше. Сквозь громкую ругань слышалось лошадиное ржание, звон металла. На этот раз шпаги были не деревянными.

Не зная, что делать, я нерешительно поглядел на солнце, цеплявшееся за красную черепицу. Восьмой час², в монастыре уже ждут. Впрочем...

Впрочем, те, кто ждет, никуда не денутся. А ягуары, как известно, очень любопытны.

* * *

Толпа на площади поредела. Навстречу мне спешили зрители, стараясь уйти подальше от помоста. Кое-кто не утерпел – пустился в бег. Какой-то бородач в сером плаще чуть не сшиб меня с ног, обернулся, что-то прокричал.

Я не расслышал, но этого и не требовалось. Лошадей я заметил сразу, как и всадников. Неяркое зимнее солнце нехотя, словно стыдясь, отражалось в остроконечных шлемах. Коричневые камзолы, такие же плащи, широкие кожаные ремни, длинные пики с крючьями...

Новые зрители – сбирь Его Святейшества – чуть припоздали. Комедия закончилась, что, впрочем, никак не могло помешать новому спектаклю, на этот раз – драме.

Кажется, без драки не обошлось. Во всяком случае, у Кардинала появился новый синяк – уже настоящий, Испанца держали трое, четвертый же деловито доставал из-за пояса толстую веревку с узлами. Другие актеры были тут же, прижатые к помосту остриями направленных прямо в лицо пик. Они были уже без грима, и я не мог узнать, кто из этих бедняг Тарталья, кто Леандро, а кто Пульчинелло.

Коломбину я все же узнал – по малиновой блузке. Она стояла спиной ко мне, двое сбиров держали девушку за руки, темные волосы, уже не сдерживаемые лентой, рассыпались по плечам.

– Чего стоишь? А ну проходи! Неча!

Пахнуло луком. Но это оказался не мой сосед в меховой накидке. Сбир – краснорожий, уса́тый, толстый. Как только в кирасу влез?

– Проходи, говорю!

Ягуар не медлит. Трудно заметить, как дрогнут мускулы, как взметнется в ударе когтистая лапа...

Сбир моргнул, не понимая, откуда в его ладони появилось серебряное скудо. Толстые губы беззвучно раскрылись, дернулся кадык.

Я улыбнулся.

Ладонь дрогнула. Наконец в глазах появилось некое подобие мысли. Послышалось неуверенное «гм-м». Толстяк вздохнул.

– И все-таки вы бы проходили отсюда, синьор. Сами видите, чего происходит!

– А что такое? – самым невинным тоном поинтересовался я, не забыв подбавить акцента – испанского, дабы не нарушить общего настроения. Правда, на испанца я походил менее всего. Амстердамский плащ – это еще куда ни шло, а вот шляпа, модная шляпа «цукеркомпф» (попростому – «сахарная башка») – это последнее, что можно увидеть на гордой кастильской голове. Ничего, сойдет! Скудо, которое я ему всучил, полновесное, хорошей пробы и даже с необрезанными краями.

– Так что, синьор, лицедеев вяжем! Охальников, стало быть. Которые это... ну... глумятся. Вот сейчас повяжем и прямиком к Святой Минерве.

² День начинался с рассветом, около шести утра. Восьмой час – начало второго.

Я невольно вздрогнул. Грех, конечно, лупить палкой кардинала вкупе с представителем вооруженных сил Его Католического Величества. Но «охальников» поведут не к городскому подесте и даже не в тюрьму!..

Тот, что стоял лицом к лицу с Коломбиной, лениво, словно нехотя, поднял руку. Голова девушки дернулась. Один из актеров – молодой высокий парень – что-то крикнул, его оттолкнули, ударили древком пики...

Святая Минерва. Именно так в Вечном городе зовут обитель Санта Мария sopra Минерва. Когда-то на том месте, возле невысокого тибрского берега, стоял храм Минервы. На руинах языческого капища был возведен монастырь, но древнее имя осталось, приобретя неожиданную святость. Выходит, мне с «охальниками» по пути!

– Старшего! – бросил я таким тоном, что сбир даже не посмел возразить.

Далеко идти не пришлось. Главным среди этой своры оказался тот, кто ударил девушку, – такой же толстый, краснорожий и губастый. И тоже с кадыком.

Меня смерили недоверчивым взглядом, вслед за чем последовало недоуменное ворчание. Слов решили не тратить.

...Илочечонк, сын ягуара, знал, что в мире людей плохо. Там глумятся над кардиналами. Там бьют девушек. Там неудачно пошутивших актеров отправляют к Святой Минерве. И ничего нельзя сделать. Виноваты не эти краснорожие големы и даже не нелепые и жестокие законы. Виноват мир, который нельзя улучшить ударом когтистой лапы.

– Добрый день, мессер дженерале!

Я вновь улыбнулся. Ключет? Должен, ведь на самом деле это чучело в кирасе даже не сотник.

И вновь ворчание, на этот раз чуть более миролюбивое. Заплывшие жиром глазки поглядели на меня уже внимательнее. Интересно, кого он увидел? Плащ дорогой, по последней моде, но шпаги при поясе нет. Нет и кинжала, значит, не дворянин, не моряк и, скорее всего, даже не купец.

– Чего вам угодно, синьор?

«Дженерале» был помянут недаром. Уже второй раз кряду меня титуловали синьором.

– Вы, кажется, иностранец?

Это он угадал. Впрочем, отвечать я не собирался, тем более и сам «дженерале» никак не римлянин. От его выговора за пять миль несет Калабрией. Выслуживается, деревенщина!

– Надеюсь, этих... охальников примерно накажут? – бросил я, даже не поглядев в сторону несчастных актеров.

Рожка калабрийца расцвела улыбкой.

– Вы уж не сомневайтесь, синьор! И дома у себя расскажите, чтоб знали! Мы над персонами, которые духовные, изгаляться не позволим. Ишь, безбожники, над кардиналами смеяться вздумали! Сейчас мы этих прохвостов прямиком к Минерве...

Про Испанца «дженерале» промолчал. Оно и понятно. В данном случае мордач был вполне согласен с бедолагами-комедиантами. Калабрийцам не за что любить «донов».

– Под суд их, мерзавцев! Попервах бичевать, чтоб клочка кожи на задницах целого не осталось, потом – на галеры. Ну, а баб, само собой, в монастырскую тюрьму...

...Откуда, скорее всего, они никогда не выйдут. Впрочем, деревенщина-калабриец все-таки не столь зол, как могло бы показаться. Галеры и тюрьма – наказание, так сказать, светское. Попав к Святой Минерве, «охальники» попросту сгинут. Без следа.

Сыну ягуара никак не понять людских законов. Суть наказания заключается в исправлении преступника. Там, где он жил прежде, смертную казнь отменили еще до его рождения...

– А вас отставят от должности, – как можно беззаботнее заметил я, поглядев вверх, на легкие тучки, неторопливо затягивавшие бледное февральское небо.

– Чего?! – начал было калабриец, но я не дал ему говорить.

– Одно из двух. Или эти «охальники» – просто нарушители общественного спокойствия, которым нечего делать в Святейшем Трибунале, или – еретики и преступники. Но в этом случае арест, как вам известно, должен производиться тайно, дабы не вызвать общественных беспорядков. Представляете, какие пойдут разговоры по городу? То есть уже пошли. Сбиры Его Святейшества хватают актеров, всего лишь неудачно пошутивших, и отправляют их к Святой Минерве. Разговоры – ладно, а уж когда об этом напечатают в Голландии и Гамбурге...

В ответ я услышал нечто напоминающее рычание. Запахло родным Прохладным Лесом. Я снова улыбнулся, и на этот раз вполне искренне.

– Ваша задача – не устраивать скандалы на всю Европу, а их предотвращать. Вы не смогли помешать представлению и вдобавок обеспечили вашим «охальникам» славу, которую они никак не заслужили. В лучшем случае вас посчитают опасным дураком. В худшем – соучастником...

Рычание стихло, сменившись мертвой тишиной. Я мог бы упомянуть для верности соответствующее распоряжение, изданное Трибуналом еще двадцать лет назад, но делать этого не стал. Он понял. Краешком глаза я заметил, что brave стражи порядка начали переглядываться, опустив пики. Они еще не поняли – но почуяли.

– Вы меня того... не пугайте, синьор! – без всякой уверенности проговорил «дженерале» и вздохнул.

Я ждал. Если он догадается, Илочечонк не будет добивать врага. А если нет...

– Вы меня не пугайте! – Калабриец прокашлялся и, хмыкнув, поправил усы. – Потому как налицо явное нарушение общественного порядка, которое подлежит рассмотрению в городском суде...

Догадался! Все-таки он не так и глуп! Я поглядел на солнце. Восемь часов! Уже опоздал.

– Суд приговорит их к штрафу, – кивнул я. – Десять нидерландских дукатов.

– Двадцать, – тут же отозвался он.

Наглость, как известно, второе счастье. Но не чрезмерная. Я отвязал от пояса кошель, чуть подбросил на ладони.

– Шестнадцать. И чтоб через минуту я вас здесь не видел!

Кошель исчез мгновенно. Если этот олух с такой же резвостью рубит врагов, то я им не завидую.

* * *

– Синьор! Синьор!

Мне опять мешали уйти. Площадь Цветов явно не хотела меня отпускать. Не иначе – соскучилась. Все-таки двадцать лет не виделись!

– Синьор!

Я обернулся. Правая щека Коломбины пылала как маков цвет – ударили ее, похоже, от всей души. В темных глазах – слезы, но губы уже улыбались.

– Синьор, я должна...

– Мне? – как можно суше перебил я. – Мне вы ничего не должны, синьорина. А ваше глумление над духовным саном я нахожу попросту глупым!..

– Я заметила, – поспешно кивнула девушка. – Вы же стояли в первом ряду и ни разу не улыбнулись. Да, это было очень глупо, и я, как капокомико, виновата в первую очередь...

– Вы? – поразился я. – Вы руководите трупной?

Она развела руками и вновь улыбнулась – на этот раз виновато.

– Да, синьор. И, к сожалению, я не смогла отговорить Лючано. Он уверял, что это поднимет сборы. Мы давно не были в Риме...

Теперь понятно. Где-нибудь во Флоренции или в Марселе такое вполне могло сойти с рук. Но не здесь.

– Надеюсь, в следующий раз сьер Лючано поведет себя умнее. Извините, синьорина капокомико, я спешу.

Она быстро кивнула, маленькие губы сжались.

– Мы должны вам деньги, синьор Неулыбчивый. Сколько вы заплатили этому мерзавцу?

Проще всего было не отвечать. Илочечонк, сын ягуара, никогда не считал золотые кругляши. Но последние слова Коломбины меня изрядно задели.

– Мерзавец? Этот человек не мерзавец, синьорина. Он лишь выполнял свой долг – в меру собственного разума. А ваша трупка должна мне шестнадцать дукатов.

– Всего? – удивилась она. – Я думала...

Она думала – и напрасно. У нее «синьор дженерале» не взял бы и сотню. Точнее, взял бы – и отправил всю их компанию в монастырь Санта Мария сопра Минерва вместе с половиной денег. И все остались бы довольны.

– Сейчас мы не можем вам отдать эту сумму. Приходите сегодня вечером на постоянный двор у ворот Святого Лаврентия. Договорились?

– Хорошо.

Спорить я не собирался – как и приходить за деньгами. К тому же я спешил, а к Святой Минерве не принято опаздывать.

3

От капюшона несло гнилью, и я уже успел трижды пожалеть, что согласился натянуть на себя эту хламиду. Впрочем, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а обитель Святой Минервы не из тех, что позволяет нарушать порядки. Капюшон скрывает лицо, особенно если вокруг полутьма, а единственная масляная лампа поставлена так, чтобы освещать собеседника, но огню не меня.

Я оглянулся. Низкий потолок, осклизлые, влажные стены, ни единого окошка. А в придачу – плащ с капюшоном, в котором я сразу же почувствовал себя мортусом³. И сходство было не только внешним...

Маленький человечек в таком же плаще нерешительно остановился на пороге.

– Давайте второго, – кивнул я и пододвинул лампу поближе, пытаясь разглядеть изощренную писарскую вязь. Итак, номер два. Гарсиласио де ла Риверо, двадцати пяти лет, уроженец славного города Толедо, магистр семи свободных искусств, римский доктор богословия.

Авось повезет. Номер первый меня совершенно не устраивал, а номера третьего найти не удалось. Ни в Риме, ни во всей честной Италии. А искать где-нибудь еще попросту не было времени.

Когда я наконец дочитал абзац, касавшийся упомянутого сьера де ла Риверо, он уже стоял в дверях. Лица я не разглядел, а что касается всего остального...

³ Мортус – служитель мертвецкой.

...Невысок, худощав, узок в плечах, слегка сутулится. Если рост – от Бога и от родителей, то все остальное наглядно свидетельствовало о том, что сьеру магистру не приходилось особо утруждать себя трудами телесными. И еще вдобавок – сутулость. Значит, зрение уже пошаливает – и это в двадцать пять лет! Ох уж эти книги! Не иначе на свечи деньги жалел!

– Садитесь.

Он дернул плечами и присел на прикрепленный к полу табурет. Так-так, а мы, кажется, с характером! Неудивительно, ведь его даже не пытали. Риска испортить зрение, я покосился на лежавший передо мной документ. Что там? «Увещевание, предъявление известных орудий и принадлежностей...» Не пытали. Тому, кто был здесь перед ним, повезло меньше.

Оставалось взглянуть на сьера де ла Риверо поближе. Я пододвинул лампу.

– Не надо!

Он привстал, закрываясь ладонью. Вначале я удивился – свет был совсем неяркий. Но тут же понял. В здешнем училище нет окон. Несколько дней в темноте хватит, чтобы даже огонек лучины резал глаза.

Наконец он опустил руку и вновь присел на стул, растерянно мигая. В этот миг лицо сьера Гарсиласио показалось мне совсем юным, почти детским. Длинный нос с горбинкой, большие темные глаза, тонкие яркие губы. Красивый мальчишка, из тех, кто бешено нравится пожилым дамам. Впрочем, не только пожилым. И занесло же этого красавчика сюда!

– Мне сказали, что я должен ответить на ваши вопросы. Но я не понимаю... Я уже сказал все. Все, что мог.

Голос тоже был совсем мальчишеский, высокий, срывающийся на петушиный крик. Петушиный крик с явственным испанским акцентом. Везет мне сегодня на испанцев!

– Этого недостаточно, сьер де ла Риверо, – заметил я самым невозмутимым тоном. – Вы должны сказать не то, что можете, а то, что знаете.

– Знаю? – Он попытался рассмеяться, и вновь мне почудилось, что под этими мрачными сводами прокричал молодой петух. – С вашими-то соглядатаями, святой отец! Да вы знаете больше, чем я!

Это была правда. Трибунал узнал более чем достаточно еще до ареста этого горе-еретика. В деле, экстракт из которого лежал передо мной, имелось все. И записи бесед с друзьями – такими же болтунами, как он сам, и рукопись его нелепой книги, именовавшейся «Ущемление Истины». Он что, спутал истину с грыжей?

– Я сказал следователю все, что мог и что знал, святой отец! И я раскаялся! Слышите! Я раскаялся!

Он даже привстал с табурета. Узкая худая ладонь поднялась вверх, словно сьер Гарсиласио пытался принести присягу. Отвечать я не стал, хотя сказать было что. Он, конечно, и не думал о раскаянии. Обычный прием, чтобы избежать суровой кары, особенно когда попадаешь в Трибунал в первый раз. Джулио Ванини каялся три раза. А нас еще обвиняют в жестокости и непримиримости!

Я вновь поглядел на неровные строчки документа. Не мое дело выводить на чистую воду этого болтуна. Но он мне нужен. И не только мне.

– Во-первых, не зовите меня святым отцом. Обращение «сьер» нас обоих вполне устроит. А во-вторых... Год назад, сьер Гарсиласио, вы защитили диссертацию и получили степень римского доктора богословия. Ваша диссертация, посвященная вопросу о свободе воли, была написана полностью в духе догматов Святой Католической Церкви...

Он попытался что-то сказать, но я предостерегающе поднял руку:

– Не спешите! Итак, вы пишете вполне ортодоксальную диссертацию и одновременно работаете над книгой, отрицающей основные догматы Церкви. Вас арестовывают, и вы тут же каетесь. Поясните мне, в каком случае вы были искренни: в первом, втором или третьем?

Он молчал, да я и не ждал ответа.

– К тому же вы каетесь, обращаясь к Церкви, к ее власти и авторитету. А в книге, напротив, отрицаете и то и другое. Значит, с этих позиций ваше раскаяние не имеет никакого веса, ведь нельзя каяться перед тем, чего не признаешь!

Он чуть подался вперед, темные глаза блеснули вызовом.

Не каясь, он прощенным быть не мог,
А каяться, грешить желая все же,
Нельзя: в таком сужденье есть порок⁴.

– А ты не думал, что я логик тоже? – невозмутимо согласился я. – Итак?

– Что вы хотите, сьер Черный Херувим? – усмехнулся он. – Следствие уже закончено, я все подписал...

– Не закончено, сьер римский доктор. Я приказал продолжить его.

Он осекся, замолчал, а я все ждал, не зная, на что решиться. Лучше всего поговорить с этим парнем по-хорошему. Лучше – но не правильной. Он нас ненавидит. Ненавидит – и предаст, как только покинет эти стены. Ненавидят сильные, значит, этому мальчику кажется, что он сильнее нас.

– Вы знаете, что ваш отец арестован?

Он вздрогнул. Отвернулся. Плечи дернулись, опустились.

– Если знаете, то, наверное, имеете представление о предъявленных ему обвинениях.

Я ждал, что он снова вспыхнет, но ответ прозвучал глухо, словно сьер Гарсиласио за миг постарел сразу на двадцать лет:

– Это недоразумение. Мой отец не разделял моих взглядов. И даже не знал о них.

– Верно, – подхватил я. – Не знал и не разделял. Однако двадцать семь лет назад ему пришлось бежать из Толедо. Вы знаете почему?

Теперь я ждал ответа. Не исключено, что не знал. Ведь все это случилось слишком давно, еще до рождения этого парня.

– Он марран. Но разве это преступление?

Выходит, знал! Ну что ж, так даже проще.

– Быть марраном не преступление, сьер Гарсиласио. А вот тайно исповедовать иудаизм, перейдя в католичество, – дело совсем иное. Когда вас арестовали, Трибунал решил узнать все о вашей семье. В Толедо вашего отца давно ждут...

– Сволочь!

Я перехватил его руку, рванул, завернул за спину, отбросил обмякшее тело.

– Сидеть!

Кажется, я слегка перестарался. Пришлось ждать, пока он перестанет стонать и вновь поднимет голову. Смотреть на парня было неприятно.

– О вашем отце мы еще переговорим – попозже. Сначала о вас, сьер Гарсиласио. Мне нужна от вас прежде всего искренность. Но пока еще вы не готовы к разговору.

– Не дождетесь!

В его глазах вновь горел вызов. Да, по-хорошему не выйдет. Зря!

– Не нужно много смелости, чтобы за бочонком кьянти ругать инквизицию, отправившую на костер Бруно Ноланца и затравившую мессера Галилея. А вот чтобы отвечать за это, смелость как раз требуется.

– *Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю!*⁵

⁴ Слова Черного Херувима из «Божественной комедии» Данте. Перевод (здесь и далее) М. Л. Лозинского.

⁵ Предсмертные слова Джордано Бруно.

Я едва удержался, чтобы не поморщиться. Петушинный фальцет резал уши.

– Не сравнивайте себя с Ноланцем, юноша. Вы не выдержите то, что выдержал он. И дело не только в этом. Бруно был гений, а вот вы...

– Гений?!

Его изумление мне понравилось.

– А разве вы думаете иначе? Я ведь читал вашу книгу.

Не читал, конечно. Но некоторые разделы все же проглядел.

– На это вы меня не поймаете, – подумав, ответил он. – Сначала – разговор по душам, затем – «вторичное впадение в ересь». Знаю! А что касемо моей книги, то я действительно отзывался о Бруно положительно, как о продолжателе дела великого Николая Коперника. В чем сейчас и раскаиваюсь. И хватит об этом!

– Отчего же хватит? – усмехнулся я. – Хвалить Бруно как продолжателя дела Коперника, конечно, нехорошо, хотя тут особых заслуг у Ноланца я не вижу. Торунский Каноник был неплохим математиком, не более. Гелиоцентрическое учение было разработано Аристархом Самосским еще полторы тысячи лет назад, а все основные идеи Коперник позаимствовал у своего учителя Юрия Дрогобыча. Не слыхали о таком?

Не слыхал, конечно. И мало кто об этом знает. А вся вина Дрогобыча-Котермака в том, что он не дожил и до сорока, не успев закончить труд своей жизни. Копернику понадобилось полвека, чтобы завершить работу учителя.

– Бруно велик, но не этим. В отличие от Коперника он был философом и как философ высказал несколько действительно невероятных идей. Настолько невероятных, что они похожи на истину...

Я заставил себя замолчать. Нет смысла говорить с этим мальчишкой о Ноланце. Сейчас ему не до философии. Как и мне самому. А жаль! Кажется, посещение площади Цветов не прошло бесследно.

– Так, значит, именно за гениальность вы сожгли Бруно и Ванини, унизили Галилея, пытали Фому Колокольца!..

Он снова задибался, начисто забыл о своем «раскаянии». Спорить не имело смысла, тем более свой выбор я уже сделал, но удержаться было трудно.

– Для римского доктора вы удивительно безграмотны, сьер Гарсиласио! Чтение амстердамских и виттенбергских пасквилей вредно не только для вашей бессмертной души, но и для истины. И прежде чем мы позаботимся и о том и о другом, хочу напомнить о вещах очевидных...

– Для вас! – резко бросил он, но я лишь улыбнулся.

– Для всех. Прежде всего выкинем из приведенного вами мартиролога сьера Джулио Ванини. Этому недоучке там нечего делать. Его «Диалоги» свидетельствуют лишь о том, что автор не озаботился прочитать в подлиннике не только Аристотеля вкупе с Отцами Церкви, но и книги Священного Писания. На костер его отправили не мы, как вы изволили выразиться, а Тулузский парламент. Кстати, Церковь спасла этого богохульника, когда нечто подобное грозило ему в Лондоне несколькими годами ранее...

Теперь он уже не пытался перебивать, и в его глазах я заметил явный интерес. И действительно, где еще можно услышать лекцию по ересиологии?

– О Фоме Колокольце тоже не поминайте всуе. Он провел тридцать лет в испанской, а не в церковной тюрьме, откуда был освобожден по негласной просьбе из Рима. Будь он еретик, то ему бы не доверили должность главного цензора в Ватикане, а позже не рекомендовали бы на должность придворного астролога при Людовике Французском...

– Испанцы судили его за ересь, – негромко проговорил сьер Гарсиласио и отвернулся. – Какая разница, ваша ли инквизиция или испанская!

Прежде чем ответить, я вдруг сообразил, что за двадцать минут добился того, чего не смогли следователи за полгода. Этот парень заговорил со мной откровенно. На свою глупую молодую голову, конечно. Иногда искренность стоит очень дорого. Мессеру римскому доктору крупно повезло, что он мне нужен, так сказать, *in cogroga*. *In cogroga*, и желательно в сыром виде.

– Ересь Фомы Колокольца заключалась в том, что он хотел призвать в Калабрию турок для борьбы с испанцами. Он всегда был реалистом, чем и велик. Смелость в политике ведет к победе. Ему просто не повезло...

И вновь я с трудом заставил себя остановиться. Не время. Может, если мы договоримся, еще будет предлог поговорить о Колокольце.

– Что касаето мессера Галилея, то тут все просто. Папа Урбан постарел, и возле его престола началась обычная грызня. Галилей принадлежал к одной партии, его враги – к другой. А тут подвернулся прекрасный повод: столь любезные вам господа протестанты в очередной раз завопили, что Святая Католическая Церковь слишком открыто поддерживает учение Коперника. Кое-кто испугался, а кое-кто сообразил, что это неплохой предлог свалить соперника. Френсис Дрейк, не к ночи будь помянут, как-то повесил на рее королевского шпиона Даути – якобы за чернокнижие. Ветер не тот наколдовал! Ну и, наконец, Бруно...

Вновь вспомнилась площадь Цветов. Я вдруг сообразил, что вечером совершенно свободен, а синьорина Коломбина наверняка приняла меня за зануду, не любящего театр...

– Бруно сожгли не за его астрономические штудии и даже не за сатанизм, которым он, к сожалению, увлекался в молодые годы. Он был участником одного политического предприятия, задуманного очень широко. В Венецию он приехал, конечно, не для того, чтобы давать уроки мессеру Мочениго. Но власти Святого Марка оказались начеку. Потому мы и выжидали почти восемь лет, надеясь договориться. Однако Ноланец был непреклонен, к тому же его главная политическая идея слишком опередила свое время...

Кажется, мессер Гарсиласио хотел что-то спросить, но я поднял руку:

– Хватит! Диспут окончен, мессер римский доктор. Теперь о вас. Вы не были искренни со следствием, а мне, как я уже говорил, нужна прежде всего искренность. Придется прибегнуть к одному из способов, чтобы ее добиться.

– К велье? – Он попытался засмеяться, но вместо смеха я услышал что-то напоминающее хрипение. Велью ему, кажется, демонстрировали. И только. Оно и к лучшему, мне ни к чему калека.

– Всему свое время, сьер Гарсиласио, всему свое время. В одной умной книге написано, что для полного просветления, для лицезрения Рая, следует вначале увидеть Ад. Вы его увидите, причем очень скоро.

Наши глаза встретились, и я почувствовал, как сквозь юношескую браваду начинает проступать страх. На миг мне стало жаль этого мальчишку. Хотя почему мальчишку? Он младше меня всего на девять лет и, конечно, считает себя взрослым мужем, если решился поднять руку на Церковь. За все надо платить.

– У вас, как здесь заведено, было два следователя – злой и добрый. Сейчас к ним прибавился третий – очень злой. Можете снова посмеяться, сьер еретик.

Смеяться он не стал, даже не пытался. В темных глазах плавал ужас.

* * *

Ягуар не знает жалости. Он может поиграть с добычей – до поры до времени. Добыче начинает казаться, что ее приняли в игру...

Напрасно!

4

– Надо поспешить, отец Адам. Вечерня вот-вот начнется.

Ах, да!

Вот так и впадают в ересь! В последний раз я был на вечерне неделю назад. Правда, это была очень напряженная неделя...

– Мы были бы счастливы, если бы вы, отец Адам, участвовали в сослужении.

Я чуть не отказался, но вовремя сообразил, где нахожусь. В Санта Мария сопра Минерва не шутят. Откажешься – и оглянуться не успеешь, как попадешь в компанию к сьеру де ла Риверо. Вот уж не хотел бы!

– Надеюсь, у вас найдется облачение?

– Конечно, конечно, отец Адам! Но надо поспешить.

Служка в ризнице торопился, и я поневоле вспомнил давние годы, когда нам, новициям, все приходилось делать на бегу, в том числе и облачаться в ризы, особенно когда возвращаешься из тайного похода в город, а на носу – вечерня или классы. Впрочем, спешить приходилось и позже, когда гремела труба, рука сама собой откидывала противомоскитную сетку и тут же тянулась к штанам и рубахе. Или только к штанам, если на дворе стоял февраль. Душная февральская жара – это вам не тучки на бледном римском небе. Вначале трудно было привыкнуть. Лето: январь, февраль, март. Зима: июнь, июль, август. Правда, и зима там была другая...

Подрясник, скапулярий, риза. Риза оказалась маловата, и я с трудом смог вдохнуть. Маловата – ладно, а вот стирали ее, как и все прочее, при Петре Апостоле, никак не позже. Служка, недоверчиво поглядев на новооблаченного, поправил воротник и покосился на мои стриженные в скобку волосы. Что поделаешь, тонзуру не ношу. Нехорошо, конечно, но авось остальные будут не столь внимательны.

Впрочем, вечерня сегодня недлинная, благо не праздник, и я не служу, а всего лишь участвую в сослужении. Какой там порядок? Исповедание, входная, псалом, молитва, послание, *graduale*... Кажется, помню.

Пора!

* * *

В небольшой церкви было полутемно, и я быстро успокоился. Еще в коллегииуме меня учили всякое время проводить с пользой. Это называлось «отстранение». Ты-видимый тра-тишь время попусту, и ты же, но уже невидимый, занимаешься делом. Например, повторяешь урок или мысленно перелистываешь душеполезную книгу.

Отстранение – обратная сторона сосредоточенности. Ты-первый – голем во власти тебя-второго, покорный, словно мертвое тело.

Потом уже, через много лет, я понял: дело не только в давнем правиле *sacre diem*. Отстранение – это то, на чем основано наше Общество. Те, кто им руководит, могут не думать о мелочах. Все будет сделано как надо, без лишних приказов и напоминаний. Понял, когда самому довелось стать из «вторых» «первым».

Учились мы этому быстро. Знали ли наши наставники, что «отстранялись» их духовные чада прежде всего на бесконечных службах? И то сказать – восемь служб на день, начиная с заутрени! Шесть часов в день, если не праздник. Тогда – на час больше. А то и на два. Когда

же уроки повторять? Только в церкви! Стоишь, шевелишь губами, а перед глазами мелькают страницы...

Колокольчик! Начали!

Наставники, конечно, знали, ибо сами прошли этой же стезей. Ведали они и другое – служба сама по себе далеко не каждого ведет к просветлению. Только в этом прав проклятый Лютер – спасение индивидуально. Посему столь важна исповедь, не говоря уже о духовных упражнениях. Да, для того чтобы узреть Рай, вначале следует увидеть Ад. Лютер до этого не додумался. Куда ему, колбаснику!

Что это? Ага, псалом. Дальше молитва и, если не ошибаюсь, мой выход, как выразилась бы синьорина капокомико. Престол налево, требник направо...

Итак... До следующей встречи со сьером Гарсиласио еще два дня. На прощание я пообещал зайти к нему завтра в полдень, и он будет меня ждать, очень ждать. Но меня не будет – весь день, всю ночь и весь следующий день. И когда мы наконец увидимся...

Нет, стоит все-таки заглянуть к нему завтра. Но не в полдень – вечером. Ни к чему загадывать, в конце концов, я могу и ошибиться в этом парне. Вдруг он крепче, чем кажется?

Значит? Значит, стоит подумать о другом. Если все сложится как надо, сьер римский доктор станет моими глазами. Это хорошо, но мало. В дороге нужны глаза, деньги и шпага. С глазами все скоро выяснится.

Деньги. В Амстердаме...

Что, уже аллилуйя? Куда мне, налево или направо? Направо, конечно! Сейчас преклоним колени...

...В Амстердаме я получил несколько векселей, очень надежных, но их следует переписать. И сделать это придется здесь, в Риме, потому что в Стамбуле я могу потерять до четверти стоимости. Надо будет узнать, к кому лучше обратиться. С Левантом торгуют венецианцы, но с ними лучше не иметь дела. У Святого Марка тысяча глаз и столько же ушей, а это совершенно лишнее...

Секвенция. Значит, до половины уже добрались. Грешен, три раза отказывался от посвящения, пока отец Мигель попросту не приказал. Да и после этого служить почти не приходилось. Служил сам отец Мигель или отец Хозе...

Ага, Евангелие! Ну, это надолго! Плохая дикция у здешнего настоятеля! Мое место... Слева мое место. Глаза вниз – и не забывать креститься.

Ах, да! Раз я сослужу, класть крест должно не как мирянину, а как священнику. Не перепутать бы!

...Векселями и займемся – завтра же. Остается шпага. Не для меня, конечно, – обойдусь без лишнего железа, но кто-то должен прикрыть мне спину. Илочечонк едет не в Прохладный Лес, не к друзьям-ягуарам. К людям нельзя поворачиваться спиной!

Proscomidia, приступ... Ну, сейчас пускай хор старается! Послушать, как тут поют? Пожалуй, не стоит, хор Святой Минервы не ватиканская капелла.

...Бумаги. А вот бумаг с собой брать как раз и не придется – слишком опасно. Настоящих – о фальшивых надо будет подумать особо. Потому и вексель лучше выписать в Риме, но пометить Стамбулом или Родосом. Значит, придется зазубривать наизусть, причем дословно. Впрочем, и этому учили. Кое-что я уже помню. То есть не кое-что – главное. А главное – это три документа: один – подлинник, два других – копии. Ну-ка, повторим... Документ первый. Желтая толстая бумага, надорванная слева сверху, черные чернила, мелкий неровный почерк. Писано по-итальянски, весьма грамотно... Его Высокопреосвященству Генералу... Нет, сначала число – 3 ноября 1649 года. Итак, Его Высокопреосвященству Джованни Аквавива, Генералу Общества Иисуса Сладчайшего. Выполняя Вашу волю, высказанную в Вашем всемирно-стивейшем послании от 30 августа сего года, высылаю Вам подлинник известного Вам доклада. Остаюсь преданный... Ну, это можно опустить. Подпись: брат Манолис Канари, исповедник трех обетов. Чуть ниже: остров Крит. Город не указан...

Жаль, что я так мало знаю о брате Манолисе! Во всяком случае, сутану он не носит, стало быть, из «внешних», светских помощников. Торговец? Или попросту корсар? Ничего, познакомимся...

Теперь документ номер два, тот самый доклад. К сожалению, мне дали только копию. Интересно почему? Подлинник всегда интереснее. Ну что ж копия – значит, копия. Обращения нет, нет подписи, равно как и числа. Написано на латыни. Первая строчка начинается почему-то с середины.

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу...

Слово «хлопы» так и написано – «hlorae». Я сразу подумал, что это все-таки перевод, причем не самый удачный. Жаль, нельзя взглянуть на подлинник. И даже не спросишь, отчего нельзя. В том-то и сила Общества – лишних вопросов здесь не задают. Необходимых – тоже. Какое оружие дано, тем и воюй.

Письмо брата Канари послано в начале ноября, Генерал отправил свое в конце августа, а трава на поле показалась где-то в апреле. Значит, все остальное случилось между, скорее всего в мае – июле. Или даже в июне, поскольку Генералу (или кому-то из членов Конгрегации, что вернее) понадобилось какое-то время для написания ответа. Дело оказалось важным, недаром письмо подписал сам Аквавива. А ведь в Рим обращался всего-навсего светский помощник, принявший первые три обета. Таких обычно зовут «короткополыми», им вообще не положено обращаться к Генералу...

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский, с которым было все улажено. По данному им знаку Киев обступили со всех сторон...

Что, уже Agnus Dei? Быстро же здесь службу правят! Оно и понятно, у братьев много дел. Хлопотно служить в обители Святой Минервы! И крупно повезло кое-кому сегодня днем, поелику попасть за здешние стены не пожелаю ни актеру, ни синьорине капокомико, ни даже распоследнему еретику. Шестнадцать дукатов – сумма немалая, но отсюда бы бедолаги не вышли и за тысячу...

А может, и вправду сходить в гости? В конце концов, на постоялом дворе у ворот Святого Лаврентия будет не столь скучно, как у меня в гостинице. Тамошний хозяин слишком экономит на свечах. И на дровах – тоже. Может, господам комедиантам повезло больше?

...По данному им знаку Киев обступили со всех сторон, началась на улицах злая потеха: начали разбивать латинские кляшторы, до остатка все выграбили, что еще в них оставалось, и монахов, и ксендзов волочили по улицам, за учениками же коллегіума гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватили их и побивали...

5

Первым, кого я встретил возле ворот Святого Лаврентия, был Испанец – без усов, грима и бутафорской шпаги, зато с бочонком на плечах. Бочонок оказался самым настоящим, причем немалых размеров. Испанец, занятый нелегким грузом, все же умудрился узнать меня первым. И немудрено. Я по-прежнему был в амстердамском плаще и «цукеркомпфе», благородный же «дон» без грима оказался совсем молодым парнем лет восемнадцати. Он приветствовал меня – уже без малейшего акцента, на прекрасном тосканском диалекте и тут же сообщил, что к моей встрече все готово, вот только осталось дотащить «это».

«Это», сиречь бочонок, мы после недолгого препирательства решили нести по очереди. До постоянного двора, как выяснилось, всего несколько сот шагов. Поддерживая руками смолистые бока и вполне догадываясь о содержимом, я не преминул поинтересоваться причиной, по которой оному бочонку довелось путешествовать. Неужели на постоялом дворе нельзя найти его собрата, дабы не утруждать плечи?

Испанец заговорщицки подмигнул, сообщив, что в траттории, которая имеется при постоялом дворе, можно найти разные бочонки, но этот – не прочим чета, а почему – синьор Неулыбчивый узнает в свое время. Для того и собираемся.

Кажется, я уже успел заработать постоянное прозвище в труппе. Но синьорина Коломбина не права. Неулыбчивый – все же явное преувеличение. Или со стороны виднее?

Из всего слышанного приходилось делать выводы, и главный из них состоял в том, что скромная процедура вручения мне шестнадцати дукатов начинает приобретать неожиданные черты.

Естественно, я не ошибся. Прямо возле входа (постоялый двор оказался самым обычным, двухэтажным, в серой, местами осыпавшейся побелке) меня встречал сам Турецкий Султан. Его Османское Величество восседал на троне, покрытом чем-то, в полумраке могущем сойти за парчу. Грозные арапы-янычары стерегли его покой, сжимая в черных руках тяжелые алебарды. Чуть дальше теснился гарем – юные одалиски в глухих чадрах, окруженные евнухами – в шароварах, чалмах и с ятаганами наголо.

Я попытался обратиться в бегство, дабы не пасть жертвой злых басурман, но не тут-то было. Мой сопровождающий схватил меня за плечи и препроводил прямиком в янычарские лапищи. Спасения не было. Я был стреножен, обездвижен и подведен прямо к кончикам остроносых султанских туфель. На миг почудилось, что вошедшие в роль янычары собираются для пушего правдоподобия уронить меня лицом в лужу. Но – обошлось.

Где-то совсем рядом, в темноте, гулко ударил барабан.

– Абрамбаба кегуфу! Брамбиньоли умба!

Бас Его Величества звучал столь грозно, что я едва устоял на ногах. Коломбина была хороша. Даже приклеенная седая борода, более походившая на метлу, была ей к лицу.

Следовало отвечать. Желательно по-турецки.

– Кера атага, караи! – Я сдернул с головы свою чудо-шляпу и поклонился, прижав левую руку к сердцу. Бог весть, приняли ли они меня за турка. Скорее всего нет, и правильно сделали, ибо обратился я к синьорине капокомико не на турецком, который, к стыду своему, так и не выучил, а на ставшем почти родным гуарани.

– Мы очень рады вас видеть, синьор. Надеюсь, на этот раз мы не заслужили вашего осуждения?

Можно было пуститься в умозаключения по поводу сложных и весьма запутанных отношений Святейшего Престола и Высокой Порты, но прослыть еще большим занудой, чем я есть,

не хотелось. К тому же у славных комедиантов, кажется, сложилось впечатление, что синьор Неулыбчивый не любит театр...

Я упал на колени, протянул руку, склонил голову.

Прекрасная Фиалка! Рождена ты
Там, где давно мое пристрастье живо.
Ток грустных и прекрасных слез ревниво
Тебя кропил, его росу пила ты.
В блаженной той земле желанья святы,
Где ждал цветок прекрасный молчаливо.
Рукой прекрасной сорвана, – счастливой
Моей руке – прекрасный дар – дана ты.

На миг я остановился, чтобы перевести дыхание и насладиться паузой – и мертвой тишиной. Коломбина, забыв о султанском достоинстве, привстала, ладонь замерла у подбородка.

Боюсь, умчишься в некое мгновенье
К прекрасной той руке: тебя держу я,
Прижав к груди, хотя сжимать и жалко.
Прижав к груди – ведь скорби и сомнения
В груди, а сердце прочь ушло, тоскуя, —
Жить там, откуда ты пришла, Фиалка!⁶

И вновь – тишина; наконец кто-то неуверенно хлопнул в ладоши...

Переждав шум, я коснулся губами протянутой мне руки и только тогда взглянул на Коломбину.

Седая борода куда-то исчезла – как и пестрый халат. На девушке было платье – белое, с серебряным шитьем.

– Я... Я не знаю этих стихов! – несколько растерянно произнесла она. – Да встаньте же, синьор, встаньте!

Я повиновался. Господа комедианты окружили меня, поглядывая на своего гостя с явным изумлением, как будто к ним на постоянный двор заглянула говорящая кошка. Не ожидали!

– Зато наверняка знаете автора, – усмехнулся я, довольный эффектом. – Это Лоренцо Медичи. Двести лет назад итальянский язык был куда более выразителен.

– Не знаю, как двести лет назад, а в эту минуту мой язык высох, как копченая треска, – несколько обидчиво отозвался Испанец, для верности похлопав ладонью по уже виденному мною бочонку.

И словно по сигналу (а может, действительно по сигналу), вся компания разразилась дружным кличем:

– «Лакрима Кристи»! «Лакрима Кристи»! «Лакрима Кристи»!

Последний камешек стал на место, и мозаика заиграла всеми цветами радуги – как и предполагается после полного глотка.

* * *

Дивное дело, но в бочонке действительно оказалось «Лакрима Кристи». В последний раз я пробовал его двадцать лет назад, перед самым отъездом. Потом, хлебая болотную воду и

⁶ Перевод С. В. Шервинского.

– временами – мескаль или пульке, я часто вспоминал последний глоток в остийской траттории – мы забежали туда перед самым отплытием. Нет слов, умеют в Италии делать вина! Особенно в Неаполе. Вначале, когда я попробовал «Латино», то решил, что лучшего мне не найти. Но за «Латино» последовало «Греко», за ним – «Мангьягерра», а уж когда дошла очередь до «Лакрима Кристи»!..

Увы, в этот вечер я лишь пригубил из поданного мне кубка (деревянного, с позолотой), чем тут же заслужил новое прозвище – «синьора Непьющего». Моим хозяевам пришлось самим бороться с выпущенным ими из бочонка страшным демоном Бахусом, начисто забыв, что турки, как и все добрые мусульмане, не потребляют порожденное виноградной лозой. Тосты следовали за тостами. Выпили за шестнадцать воинов со стрелами в руках, поразивших воинство фараоново, отдельно – за меня, а затем настала очередь Мельпомены. Тут ее весьма чтили, поскольку тосты поднимались не просто так, а с великим разбором. Сначала выпили за Южных Масок: Ковьелло, Пульчинелло, Тарталью. Затем – за Северных: Доктора, Бригеллу и Арлекина. Я так и не успел понять, к каким из них относятся здесь присутствующие и кто, собственно, есть кто. Испанец оказался, как я и подозревал, Капитаном, Кардинал (высечь бы его, выдумщика!) Тартальей, а юркая брюнетка, уже успевшая скинуть чадру, – Клименой. Кажется, тут хватало и Южных, и Северных.

Между тем неутомимые лицедеи уже провозглашали здравицу в честь мастеров кукол и марионеток, за ними последовали сочинители текстов, а заодно и типографы, оные тексты издающие.

Последний тост я выпил без всякой охоты. Если «текстами» господа лицедеи называют слышанные мною вирши, то поздравлять их авторов не с чем. К тому же я в простоте своей душевной был уверен, что Комедия дель Арте славна импровизацией, а вовсе не «текстами».

Мне не без смущения пояснили, что слава – славой, а на одной импровизации далеко не уедешь. Посему многие трупы уже много лет кормятся, так сказать, обедками чужого репертуара. А господа сочинители охотно перерабатывают пьесы Жоделя и Лариве в немудреные фарсы.

Этот короткий рассказ послужил хорошим поводом к тому, чтобы выпить за «настоящих» драматургов: за всех вместе, а затем за каждого в отдельности.

После тоста за Кристофера Марло я понял, что пора уходить. Не телом – мыслями. Я-первый остался в забитом народом зале с низким закопченным потолком, где уже появилась гитара и кто-то (кажется, все тот же Капитан-Испанец) готовился терзать беззащитные струны, а я-другой привычно потянулся к недочитанному документу. Веселья не получилось. Наверно, я и впрямь Неулыбчивый.

* * *

«Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопы на Киев, подступили к днепровскому перевозу в числе 1080 человек, а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский, с которым было все улажено. По данному им знаку Киев обступили со всех сторон, началась на улицах злая потеха: начали разбивать латинские кляшторы, до остатка все выграбили, что еще в них оставалось, и монахов, и ксендзов волочили по улицам, за учениками же коллегіума гонялись, как за зайцами, с торжеством великим и смехом хватили их и побивали. Набравши на челны 113 человек ксендзов, прочих братьев, шляхтичей и шляхтянок с детьми, побросали в воду, запретили под смертную казнию, чтоб ни один мещанин не смел укрывать латинов в своем доме. И вот испуганные обыватели страха ради иудейского погнали несчастных из домов своих на верную смерть. Тела убитых оставались псам. Ворва-

лись и в склепы, где хоронили мертвых, трупы выбросили собакам, а которые еще были целы, те поставили по углам, подперши палками и вложивши книги в руки...»

И вложивши книги в руки... Отцу Мигелю Библию прибили к груди – железным штырем. Только не мертвому – живому.

Прости им всем, Господи, ибо не ведают...

* * *

– Где вы, синьор Неулыбчивый?

Я-первый дал маху: позволил обнаружить отсутствие своего невидимого собрата и вдобавок умудрился проморгать резкое изменение диспозиции. Только что рядом с мною сидел Кардинал, посвечивая изрядным синяком под левым глазом. Мы (то есть он и я-первый), кажется, обсуждали с ним достоинства ранних пьес Лопе де Веги, причем мой собеседник успел проявить неплохое знание предмета. Теперь же на его месте оказалась синьорина капокомико собственной персоной. И когда только успела?

– Так все-таки, где вы?

– В Киеве, – без особой охоты сообщил я, уже жалея, что поддался уговорам и пришел на это сонмище.

– А где это? В Америке?

Я невольно вздрогнул. Про Америку я им ничего не говорил. Случайность? Совпадение?

– Почти, – охотно согласился я. – Извините, кажется, немного задумался...

Девушка улыбнулась, на щеках проступили еле заметные ямочки. Только сейчас я по-настоящему смог рассмотреть ее лицо. Я не знаток, но красавицей ее назвать трудно. Маленький острый нос, большой рот с пухлыми «мавританскими» губами, чуть оттопыренные уши с еле заметными мочками, слева над верхней губой – небольшая родинка... Да что это я? К счастью, мне не придется составлять объявление о розыске с указанием точных примет!

– Не стоит. – Ее лицо тут же исчезло под небольшой черной маской, и я невольно устыдился. – Актрису надо разглядывать, когда она на сцене. Знаете, многие дворяне, из тех, кто побогаче, охотно берут актрис в содержанки – и очень быстро разочаровываются. Им нравится образ, а не женщина. Если хотите, призрак...

В ее голосе внезапно послышалась еле скрытая горечь, и я удержался от дальнейших расспросов.

– Поэтому я люблю носить маску. И вы, кажется, тоже.

Когда я играл Илочечонка, сына ягуара, то действительно надевал маску, но девушка имела в виду совсем другое. Да, в наблюдательности ей не откажешь.

– У меня сейчас много дел, – осторожно начал я. –хлопоты, знаете...

– Вы... негоциант?

Кажется, она хотела сказать «купец», но в последний миг исправилась. «Негоциант» звучит несколько благороднее. Итак, за дворянина она меня не приняла. Что значит не носить шпагу!

Прежде чем ответить, стоило подумать. Те сделки, которые удалось заключить в Амстердаме, тянут почти на миллион дукатов. Но...

– Приходилось заниматься и этим, синьорина капокомико. Но вообще-то у меня другое ремесло.

– Но вы же не моряк? Ваши руки...

Да, у девушки острый глаз. Наверно, отсюда и Америка. Загар не скроешь, а плащ из Амстердама слабо ассоциируется с Турцией или Магрибом.

Интересно все-таки, кто я? Еще полгода назад на такой вопрос ответить было очень просто.

– Я гидравликус.

– Кто-о?!

Объясниться мне не дали. Несколько голосов дружно укорили Коломбину в том, что она узурпирует внимание гостя. Громче всех звучал щебет Климены, которая попыталась подсесть ближе, но тут же ретировалась, встретившись взглядом с синьориной капокомико. Мне тоже досталось – за отрыв от компании. Пришлось вновь хлебнуть из кубка, но это не удовлетворило присутствующих. От меня потребовали открыть страшную тайну: играл ли я на подмостках, а если играл, то где и какие роли. Похоже, моя скромная декламация о фиалке произвела некоторое впечатление, и мне было сказано, дабы я не юлил, ибо коллегу они чувствуют, как вино в запечатанной бочке, – за полсотни шагов.

Я покосился на Коломбину и поймал ее любопытный взгляд. И вправду интересно: играют ли гидравликусы в театре?

Проще всего было солгать. Даже не солгать, а сообщить чистую правду: в профессиональной труппе не состоял и хлеб лицедейством не зарабатывал. Но...

...Но всегда найдется маленький, черненький, дергающий тебя за язык...

Узнав, что я все-таки бывал на сцене, собрание тут же осушило по кубку за собрата и тут же потребовало воспроизвести что-нибудь из моего постоянного репертуара. Это было уже хуже. Хотя бы потому, что моя первая роль – царя Ирода – мне никогда не нравилась, а рассказывать о сыне ягуара не имело смысла, ибо отважный Илочечонк изъяснялся исключительно на гуарани.

Впрочем...

Я встал, подождал, пока стихнет шум, окинул взглядом присутствующих, а затем поглядел вверх. И тут же все исчезло. Вместо грубой деревянной люстры, на которой плавилась дешевые сальные свечи, передо мной встала каменистая вершина, и над ней возвышались позолоченные крыши города Куско. Города, который мне предстояло взять.

...Эта роль мне долго не давалась. Я не солдат и никогда не водил армии на приступ. Но как-то я представил, что передо мною – не Куско, давно погибшая столица Детей Солнца, а Сан-Паулу, гнездо проклятых бандерайтов. И все сразу же стало на свои места.

Мы играли эту пьесу всего дважды. В последний раз – совсем недавно, всего полгода назад. Это было как раз перед тем, как отец Мигель уехал в Капауко. Уехал – и не вернулся...

На мне короткий военный плащ, у пояса меч – деревянный, с нефритовыми вкладышами...

Куско! Сияющий город!
Ныне ты враг Ольянтаю!
Видишь, я меч поднимаю,
Будешь ты мною расколот!
Я твоё сердце достану,
Брошу орлам на съеденье!
Гибель несу я тирану,
Мстя за своё унижение.
Яркогo Солнца столица,
Город богатства и славы!
Знай же: на ложе кровавом
Инкское счастье затмится!

Я медленно поднял руку к ненавистному городу, не грозя, а словно закрываясь от невыносимого блеска золота. Горе вам, Сыновья Солнца! Горе!

Они погибли давно – еще до того, как родился мой отец и отец моего отца. Возле Тринидада до сих пор страшным призраком стоят руины погибшего дворца, заросшие густой колючей травой. Там тоже ягуары – каменные, с навеки застывшим оскалом.

Куско! Ты, мною сожженный,
Небо затмишь голубое!
С ложа страданий с тобою
Сверзнется Инка сраженный.
В жизни я больше не буду
Милости ждать на коленях,
В новых кровавых сраженьях
Славу и трон я добуду!⁷

Теперь улыбнуться, нет – оскалиться, левая рука еле заметно дергается, пытаюсь сжаться в кулак... Все!

* * *

Кажется, оценили. Во всяком случае, хлопали, как мне почудилось, не только из вежливости. Я поглядел на Коломбину – девушка не улыбалась, губы сжались, глаза смотрели холодно и не улыбочиво, словно Коломбина готовилась мне подыграть. Я вдруг представил ее в роли Коси-Койлор, невесты того, кто мстил надменным инкам. А что? Жаль, мне этого не увидеть. В Италии не ставят «Апу Ольянтай».

Следующий тост – за гибель города Куско, предложенный неутомимой Клименой, я пропустил, даже не став смачивать губы в бокале. Я вдруг понял, что зашел слишком далеко. Я начал вспоминать...

Нельзя!

Никак нельзя! Илочечонк для того и покинул стаю, покинул Прохладный Лес...

– Синьор Неулыбчивый!

Я обернулся. Коломбина обвела взглядом окончательно разошедшуюся компанию, неуверенно поджала губы.

– Если хотите... мы можем погулять. К тому же я должна отдать вам деньги...

От бочонка осталась едва ли треть, на гитаре оборвали струну, Кардинал уже успел рухнуть с лавки. Погулять? Почему бы и нет?

– Им уже не до вас, – усмехнулась она. – После третьего кубка... Мужчины, что с них взять?

Спорить я не стал, хотя за столом присутствовали и женщины: уже замеченная мною Климена, старуха в съехавшем на ухо парике, худая девушка с крашенными в рыжий цвет волосами и, конечно, сама синьорина капокомико. Но крашеная (как я понял, Серветта) была слишком занята Испанцем, а Дуэнья (кем же еще быть старухе?) осушала уже не третий кубок, а как минимум пятый. Климена, явно отчаявшись привлечь мое внимание, повисла на шее у худого как жердь парня, если не ошибаюсь, Пульчинелло. Одна Коломбина держалась молодцом. Интересно, она в самом деле трезвенница или только ради подобного случая?

Ну что ж, пока честная компания веселыми ногами скакала и плясала...

– Погуляем, – согласился я. – Кажется, сегодня не так и холодно.

⁷ Перевод Ю. А. Зубрицкого.

6

– Меня зовут Адам, – сообщил я, глубоко вдыхая влажный сырой воздух. Тибр был совсем рядом, но темнота, затопившая набережную, не позволяла увидеть желтую рябь на его беспокойной воде.

– А меня – Франческа. – Девушка зябко передернула плечами, поправила скрывавшую волосы накидку. – Имя как у герцогини, хотя и отец, и мама – актеры, а дядя держит винную лавку в Вероне, если до сих пор жив, конечно. От отца я и унаследовала труппу... А вас, очевидно, следует называть отец Адам?

Ну вот, стоило *zuckercompf* на голову напяливать!

– Давно догадались?

Она пожала плечами – легко, словно отгоняя прочь непрошеную зимнюю муху.

– Вы перекрестились на распятие, что висело у входа...

– Как священник? – понял я, запоздало ругая себя за неосторожность. Сейчас это неопасно, но как-нибудь такая небрежность может обойтись очень дорого.

– Да, как священник. Потом все накнулись на вино, а вы вначале прочитали молитву, а потом осенили крестом нашу недостойную компанию.

– Привычка, синьорина Франческа, – усмехнулся я. – Елей не отскоблишь.

Она остановилась, удивленно повернула голову.

– Странно, отец Адам! Вы впервые смеетесь. И над чем? Кстати, не стоит называть меня столь торжественно. Простой актрисе вполне хватит имени.

Слова о «простой актрисе» прозвучали явным вызовом.

– Согласен, если не будете именовать меня «отцом». Я служил мессу всего два раза в жизни, причем первый раз, как и водится, после рукоположения.

Сегодняшняя служба не в счет. Меня там, можно сказать, не было.

– По-моему, вы настоящий священник. Тогда на площади... Только священник не смеется, когда шутят над духовными особами. Это у вас в крови. Когда вы нас выручили, я подумала было, что ошиблась...

Девушка вновь отвернулась и стала глядеть в темноту, на невидимую во мгле реку. Я уже успел пожалеть, что согласился на эту прогулку. Актриса и поп. Чем не сюжет для комедии? Лучше было прогуляться одному по ночному городу и еще раз, не спеша, никуда не торопясь, обдумать то, что предстоит. Тем более подумать было над чем. Хотя бы над странным докладом. Вот это место: «а в Киеве ждал их казак бывалый, некий мещанин киевский...» Так кто же он все-таки?

* * *

– Ваши деньги, синьор Адам. Спасибо.

Франческа протянула руку с кошельком, не глядя, словно кидая медяк нищему. Или отдавая долг ростовщику.

– Не возьму, – усмехнулся я. – Внесите в кассу вашего театра и считайте, что я в доле. Потом поделимся барышами. Для начала советовал бы обновить костюмы и в следующий раз снять приличное помещение для выступления.

Девушка вновь пожала плечами.

– Знаете, я в театре с первого дня жизни, так что не очень нуждаюсь в советах. Настаивать не буду, но в любой момент наша труппа готова с вами расплатиться. Могу выписать вексель под двенадцать процентов годовых.

– Обиделись, – понял я. – Но за что?

Она резко обернулась, и даже в темноте было заметно, как сверкнули ее глаза.

– За вашу ложь, синьор Адам. Мы пригласили вас, чтобы сказать спасибо, и вовсе не напрашивались на откровенность. А вы... Может, вы действительно пару раз играли на сцене, но вы священник, а не этот... гидравликус! Если не хотели говорить правду, можно было просто промолчать!

Ах, вот оно что! Я вздохнул, чувствуя себя без вины виноватым. Грешен, конечно, но не этим.

– Основание плотины, синьорина Фиалка, называется флютбет. Расстояние между уровнем воды и гребнем – бьеф. Бьеф бывает верхний и нижний, причем верхний меряется выше по течению, то есть от уровня зеркала, а нижний – наоборот. И вообще, плотины бывают трех видов: водосливная, глухая и водосбросная...

...Почудилось, что я вновь на экзамене в коллегиуме. Учили нас неплохо, и не только премудростям Отцов Церкви. Потом это очень пригодилось.

Франческа помолчала, а затем качнула головой.

– Виновата! И оправданий мне нет, синьор Адам, поскольку утверждение, что все мужчины лжецы, а попы вместе с монахами – лжецы трижды, таковым не является. Кстати, а здесь тоже можно построить плотину?

Она кивнула в сторону Тибра. На миг мне показалась, что ее темные глаза светятся лукавством. Кажется, меня проверяли.

– Вы имеете в виду наводнения? – поинтересовался я. – Вы правы, Тибр – река не из спокойных, но плотина...

Я шагнул вперед, к самому краю, где под ногами глухо шумела вода, казавшаяся теперь не рыжей, а черной.

– Плотины, о любознательная Фиалка, строить опасно. Раз в сто лет паводок бывает в несколько раз выше нормы, и тогда Вечный город повторит печальную судьбу Атлантиды, о которой писал в свое время Платон. А посему требуется, во-первых, построить бычок выше по течению и обводной канал вокруг города, дабы направлять туда паводковую воду. Дорого, зато надежно. И, конечно, укрепить берега, поелику в последний раз их укрепляли в начале прошлого века, причем не особо тщательно...

Внезапно я почувствовал, как ее пальцы прикоснулись к моей руке.

– Еще раз извините. Будем считать...

– Уже считаю, – охотно согласился я. – Расскажите-ка лучше о вашей трупке.

– Ну вот еще! – Судя по ее голосу, девушка явно повеселела. – В нашей трупке ничего особенного нет, и слава богу. А вот вы, кажется, играли что-то необычное. Как звали того сокрушителя столиц? Ольянтай?

– Ольянтай, – кивнул я. – Но его я играл мало. Моя роль – это Илочечонк.

Она даже остановилась.

– Это... Это вроде гидравликуса?

Я невольно рассмеялся и тут только сообразил, что девушка так и не отняла руку. Наверно, ночь была слишком холодной.

– Илочечонк – это маленький мальчик, который попал в стаю ягуаров. На языке гуарани его имя означает Младший Брат. Илочечонк вырос, считая, что он ягуар, но вот однажды ему пришлось вернуться к людям...

Внезапно мне расхотелось рассказывать о своей любимой роли. Илочечонк вернулся к людям. Он не хотел возвращаться.

– Наверно, ему было трудно?

– Конечно, – вздохнул я. – И он очень тосковал по стае. Тосковал – и мечтал вернуться в Прохладный Лес. Но туда ему не было дороги...

Больше всего я боялся, что девушка спросит почему. Придется отвечать, а говорить об этом...

– Осторожно!

Уклониться я не успел. Сильный удар отбросил меня в сторону, в тот же миг чья-то рука грубо сдернула с плеч мой новый амстердамский плащ.

– Лупи купчишку!

Темнота сгустилась, распадаясь на черные фигуры.

– Где он, синьоры? Ба, да тут девка! Ату!

Пахнуло перегаром и почему-то – розовым маслом. Я уклонился от чьего-то кулака, отскочил в сторону.

– Точно, девка! Хватайте ее, синьор Гримальди!

Вот уж не думал, что римские banditto называют друг друга «синьорами»!

Один, второй... Кажется, трое. Трое, и по крайней мере у одного – шпага.

– Синьорина, позвольте, э-э-э, предложить... Ах ты, сучка, кусаться вздумала!

Франческа вскрикнула. Я бросился вперед – и наткнулся на кончик широкой шпаги.

– Стой где стоишь, скотина! А не то как жука-навозника, клянусь Святой Бригиттой! Эй, тащите девку к карете!

Вновь послышался крик, шпага у моей груди дрогнула, но растерянность уже проходила. Да, их трое, у всех шпаги, двое – высокий и толстяк – держат Франческу за руки, а широкоплечий крепыш со шпагой в руке, тот, что так не вовремя помянул Святую Бригитту...

– Кидай кошель, купчишка, да проваливай! Не беспокойся, твоя девка скучать не будет! Ну, пошевеливайся!

Я кивнул, протянул руку к поясу...

...И ягуар превратился в обезьяну.

* * *

...Отец Хозе черный, как безлунная ночь, и такой же мрачный. Ни разу он не улыбнулся, ни разу – даже на Рождество, когда в небе под горячими звездами зажигались «соломенные огни». В Гуаире он уже давно, и мы не спрашиваем, откуда пришел к нам этот пожилой слегка сутулый негр с пятнами проседи в курчавых волосах и рваными шрамами на запястьях. Расспросы ни к чему. Вокруг наших границ много энкомиендо⁸. Оттуда бегут, но не всем, как отцу Хозе, удастся запутать следы и уйти от беспощадных «рапазиада пура ланца» – копьеносцев на низкорослых выносливых конях.

– Драться надо уметь, сынок. Ты даже не представляешь, как это иногда нужно...

...Обезьяне ни к чему стоять на задних лапах. На четвереньках удобнее. Прежде всего уйти от удара, затем перевернуться, легко отбежать чуть в сторону. Смешные неуклюжие люди ловят руками воздух, рассекают темноту острым железом. Они не знают, что обезьяну не убить сталью. Нужен сарбакан, но сарбакана у них нет. Ну-ка, поиграем!

– Когда ты уйдешь к белым, у тебя ничего не будет, кроме твоего распятия и твоей гитары, сынок. Индейцы не тронут тебя, но бандерайты не пощадят.

...Люди суетятся – нелепо, бестолково. Их короткие руки не могут достать верткого зверя, к тому же их трое, они мешают друг другу. Говорят, людям очень смешно наблюдать, как скачет обезьяна. Прыг – ушла, прыг – и снова не попали. А сейчас – еще смешнее, упор на руки, ногу вверх... Неужели больно?

⁸ Энкомиендо – поместье.

– Мы называли это «капозйра». Белым казалось, что глупые черные рабы просто учатся танцевать... У тебя тоже были рабы, сынок?

Отвечать не хочется, но лгать этому человеку я не могу.

– Да, отец Хозе. Простите...

А глупые люди продолжают суетиться, один, правда, решил отдохнуть – прилечь на холодную землю, – должно быть, устал смеяться. Другой зачем-то размахивает железом, наверно, хочет закинуть его подальше. Надо помочь! Прыг! Ну зачем же кричать? Крик может привлечь ягуаров, а они очень страшные.

Мы хоронили его всей миссией, и даже из соседних редуций пришли люди, и белые, и черные, и «кристиано»⁹ – отца Хозе любили все. В гроб, как он и просил, положили старые проржавевшие кандалы. Они были разбиты – отец Хозе умер свободным и свободным ушел в рыжую влажную землю. Землю Свободы.

Он умел сражаться. Requiem in pace!

Остался один, и ему очень не по себе. Неужели человек не хочет подружиться с такой смешной обезьяной? Прыг! Прыг! Ты машешь железом, а я убегаю. Правда, смешно? Прыг! А я и так могу! И так! И даже на шею тебе запрыгнуть! Вот так! Ну зачем же падать? Я же только начинаю играть! Ну, давай подружimsя!

* * *

– Франческа, вы не видели мой плащ?

Девушка не ответила, она все еще стояла там, у самой кромки воды. Стояла, не двигаясь, молча, и я уже успел испугаться.

– Франческа?!

– Вы... Вы их убили?

Убил? Я быстро осмотрелся. Только что тут, на сырых камнях набережной, лежали трое. Одного уже нет – не иначе уполз – стало быть, кости целы, по крайней мере частично. Еще двое...

– Мужлан! Плебей! На дыбу! На плаху! Угли в глотку!..

Ага, второй не только жив, но и достаточно бодр. Правда, вставать почему-то не спешит.

– Стража! Стража! Стра-а-ажа!

И с третьим все в порядке. Три героя-разбойничка и девушка. И одна обезьяна.

Плащ я не нашел, зато подцепил ногой чью-то шпагу. Сломать? Да зачем, Тибр рядом! Буль!

– Нам надо уходить, синьор Адам! Вы слышите? Нам надо скорее уходить!

– Сейчас, вот только...

Буль!

Плащ я нашел рядом со второй шпагой. А вот и третья, та самая, с широким жалом. Рукоять показалась неожиданно тяжелой. Неужели золото? Да нет же, быть того...

Буль!

– Стража! Стра-а-а-жа!

Оставаться не имело смысла, но дикий вопль синьора banditto навел на правильную мысль. Стража? Вот и прекрасно! Пусть сбирь разбираются с этими мерзавцами!

– Надо уходить, Адам! Вас арестуют, вас...

Я оценил «Адама», но уходить не торопился. Меня арестуют? Да за что? К тому же тот, кто поминал Святую Бригитту, – широкоплечий крепыш, соизволил все-таки встать. На всякий случай я шагнул вперед, прикрывая девушку.

⁹ Кристиано – крещенные индейцы.

– Мужлан! Если бы ты был дворянином!.. Где моя шпага? Ты, плебей сиволапый, ты куда девал мою шпагу?

– Стра-а-ажа! – поспешил добавить пластун.

– Адам, синьор Адам! – Франческа тянула меня за рукав, но слова крепыша заставили меня замереть на месте. Дворянин? Пора было внести ясность.

– Ваша шпага пугает рыб в Тибре, синьор banditto. Что касемо прочего...

– Как?!

Он подпрыгнул, да так, что я невольно отшатнулся. Не превратиться бы ему в обезьяну. Две обезьяны – то-то весело будет!

– Моя... Моя шпага! Моего деда... Прадеда!.. Ее... Его Величество император Карл!.. Ты, плебей!.. Ты!..

– Это не разбойники! – тревожно шепнула Франческа. – Это...

– Ты, сиволапый! Я – маркиз Мисирилли, и за мою шпагу тебя, мужлан, купчишка вонючий, колесуют, четвертуют!..

– Стра-а-ажа-а-а!

Не то чтобы я начал что-то понимать, но какая-то догадка, смутная, невероятная...

– Адам де Гуайра к вашим услугам, маркиз. Завтра утром меня можно будет найти в гостинице «Форум Траяна». Кера пана!

Я взял девушку под руку и только потом сообразил, что попрощался с синьором маркизом на гуарани. Ничего, догадается.

По смыслу.

* * *

Мы долго шли молча, наконец Франческа вздохнула, отстранилась.

– Сразу видно, что вы издалека, синьор Адам! Это не разбойники. Это синьоры дворяне, которым бывает скучно по ночам.

Я молча кивнул, хотя заметить разницу между первыми и вторыми мог только острый глаз журавля теру-теру, парящего над Прохладным Лесом.

– Они обратятся к подесте. Вас арестуют!..

– Это вряд ли.

Она удивленно взглянула, покачала головой.

– Для обычного священника вы что-то излишне смелы, синьор де Гуайра!

Частичка «де» была превосходно проинтонирована. Я невольно улыбнулся.

Актриса!

7

Читать по ночам при сальной свече – истинная пытка. Но так мне, грешному, и надо! Сначала «Лакрима Кристи», затем прогулка с девушкой и, как венец всего, – драка! Ей-богу, как в нынешних модных романах, что печатаются в каждой типографии Света Старого и Света Нового: благородный идальго спасает девицу из грубых разбойничьих лап.

Поп-жантильом!

Mea culpa! Mea maxima culpa!

И даже maximissima!

Странно, несмотря на все мои усилия, чувство вины было настолько неощутимым, что мне поневоле стало стыдно. Я горестно вздохнул и вновь склонился над листом бумаги, разложенным на неструганых досках колченогого стола.

...Как скоро показалась трава на поле, стали собираться хлопья на Киев, подступили к днепровскому перевозу...

Конец документа я помнил наизусть. Погибли почти все – мужчины, женщины, дети. Все, кто имел смелость исповедовать Святую Католическую веру в стране схизматиков.

А нас еще проклинали за ночь Святого Варфоломея!

«...Три дня гуляли казаки и отправили лихим и наглым чином на тот свет до 600 душ, в том числе всех братьев, что в миссии пребывали, кроме брата Алессо Порчелли и брата Паоло Полегини по прозвищу Брахман. А брат Паоло неведомо куда сгинул, брат же Алессо со скудным пожитком своим к Запорогам бежал, но там не усидел и на полдень подался, где и настигла его хворь».

Это было все. Все, если не считать последнего документа, с которым мне еще предстояло ознакомиться. Но я уже знал – подробностей там нет.

Ни о брате Алессо, ни о брате Паоло.

Сгинули.

Без следа.

И не только они.

* * *

Я был уже третьим, кто пытался найти пропавших. Первого, брата Поджио, направили сразу же, зимой 1649-го, из Вены. Второй, брат Александр, поехал из Рима летом следующего, 1650-го – и тоже не вернулся.

Тайна оставалась тайной. Страшная тайна страшных трех дней, когда вместе со всеми католиками Киева погибла миссия Общества Иисуса Сладчайшего. Их было шестеро – наших братьев, пытавшихся нести свет истины среди татарских степей.

Общество не бросает своих сыновей. И теперь мне, брату Адаму, исповеднику четырех обетов, бывшему монитору провинции Гуаира, поручено узнать правду. Правду о погибших и выживших в той далекой стране.

Я отложил в сторону донесение и прикрыл глаза. Значит, так надо. Илочечонк, сын ягуара, покинувший Прохладный Лес, скоро увидит эту terra incognita.

* * *

...Рутения, называемая также Руссией и Русью, полуденная часть Республики, что лежит на самом краю Европы. Далекая земля на востоке, чужая, непонятная, страшная, объятая пламенем войны...

Моя родина.

Комментарии Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора богословия

Мне, как непосредственному участнику описываемых событий, остается лишь подивиться долготерпению несчастной бумаги, которой приходится выдерживать столько лжи, клеветы и несуразностей.

А

Начну, как и полагается, с себя. Надеюсь, вся моя жизнь, а также научные, равно как педагогические, штудии освобождают меня от нелепого жупела «еретика». Если я и еретик, то лишь с точки зрения таких, как отец Гуаира. Вместе с тем лживый иезуит приписал мне многие из своих собственных заблуждений. Я не разделял и не разделяю ошибочные и неверные воззрения Джордано Бруно, прозываемого Ноланцем, и Фомы Колокольца, хотя и уважаю их как борцов с католическим мракобесием. Что касемо теории Коперника, то я лишь допускаю ее как одну из математических гипотез, позволяющую точнее вычислять эпициклы движения планет. В этом я полностью солидарен с доктором Осиандером, написавшим предисловие к первому изданию «Обращения небесных сфер».

Наша первая встреча с отцом Гуаирой выглядела несколько иначе, чем он рассказывает.

Около года я находился в одиночном заключении. Не стану описывать все ужасы тюрем Святейшей Инквизиции, среди которых Святая Минерва всегда считалась одной из самых суровых. Пытка темнотой – далеко не самое страшное, что мне довелось испытать. Посему никто не осудит меня за «покаяние». Пусть тот, кто там не был, бросает в меня камни!

О новом следователе меня предупредили. Я ждал вопросов, но отец Гуаира молчал и только перелистывал бумаги. Все, о чем он пишет, – выдумка. Я был не в том состоянии, чтобы цитировать Данте. Во всяком случае, ничего подобного я не помню. Зато не могу забыть его лицо – омерзительный лик злобной уродливой обезьяны, с которой столь часто сравнивает себя автор. Во всяком случае, на Черного Херувима он никак не походил.

В

Не ради очернения чьей-то памяти, но ради истины вынужден внести коррективы в описание некоторых действующих лиц этой книги. Речь пойдет о синьоре Франческе, с которой несколько позже мне довелось познакомиться. Автор ее, мягко говоря, приукрашивает. На самом деле она была чрезвычайно некрасива. Худая как щепка, с огромным ртом и оттопыренными ушами, эта девица весьма походила не на Коломбину, а на деревянную куклу buratino. Нечего говорить, что ее манеры, как и у всякой актрисы, были вульгарны, а помыслы низки. Она из тех, что готовы подарить свою благосклонность любому наглецу с тугим кошельком. Кошель отца Гуаиры, как и следует из его рассказа, был всегда полон золота.

Так чему же удивляться?

С

Отец Гуаира вовсе не был столь образован, как может показаться. Во всяком случае, на всех языках, кроме, может быть, гуарани (незнаком, а посему не стану судить), он говорил с чудовищным акцентом. Порой это было весьма смешно. О его актерских, точнее – лицедейских, талантах и говорить не стоит. Ни один благородный человек не стал бы этим хвалиться!

Зато верно другое – он был фанатиком, убежденным иезуитом, лютым врагом всего, что дорого мне и всем честным людям. Иногда становилось страшно от его холодной нечеловеческой уверенности в себе.

Незачем напоминать, что все его «добрые» поступки, подобные спасению жалких лицедеев от тюрьмы (которую они, без сомнения, заслужили), диктовались все тем же холодным расчетом. Дальнейшие события только подтверждают это.

Глава V

О достоинствах напитка, именуемого мате, дворянской чести, загадочной реке под названием Каллапка и бедной, бедной обезьяне

Испанец: Ну ты, жалкий туземец! Не теряй ни минуты: почисть мои сапоги, подогрей вина с пряностями, вымой пол, отскреби сковородку, сбегай в лавку, застели мою постель, а после отправляйся на плантацию и работай там, пока не сядет солнце!

Илочечонк: А для чего мне делать все это?

Испанец: Да потому, что я – идальго, созданный Богом, чтобы мне служили такие, как ты. Слыхал ли ты про Адама? Так знай же: Господь создал испанских идальго ровно на день раньше, чем этого грешника! А будешь спорить, запрягу тебя вместо мула!

Илочечонк: А ну-ка, запряги ягуара!

Действо об Илочечонке, явление четвертое.

1

Грохот был такой, что в первый миг мне почудилось, будто языческий бог Плутон в очередной раз разгневался и сотряс ни в чем не повинную землю. Не открывая глаз, я махнул рукой, сбрасывая противомоскитную сетку, другая же привычно вцепилась в штаны. Конечно, потолок легкий, из тонких веток, переложенных листьями, но если он упадет на голову...

– Ах, каналья! Да я тебе уши отрежу! *Vieux diable!* Скажи своему хозяину, что, если мне не принесут вина, я разнесу весь этот поганый гадюшник!..

Снова грохот – Плутон не любит шутить. Но я уже проснулся. Противомоскитной сетки не обнаружилось, равно как и москитов, вместо сухих листьев над головой темнели толстые закопченные балки, да и Плутон, судя по голосу, оказался куда более безобидным.

– Я научу вас, чертей, как надо обращаться с французским дворянином!

Утро. Белая известка стен, красная черепица неровных крыш за окном. Моему соседу по гостинице не принесли вина.

– Я вас научу!..

Быстрые шаги – коридорный спасался бегством. Я нырнул в штаны и открыл дверь.

Невысокий худощавый синьор с короткой бородкой клинышком стоял подбоченясь, олицетворяя собой одновременно Гнев, Досаду и Жажду. Босые ноги попирали осколки ночного горшка. Именно им Плутон кидал в стену.

– К-канальи!

Заметив меня, Плутон, ничуть не смутившись, поклонился с немалым изяществом, чему нисколько не помешала длинная ночная рубашка.

– Доброе утро, – улыбнулся я.

– О, мой дорогой сосед! – Плутон сверкнул яркими голубыми глазами и брезгливо отбросил голой пяткой попавший под ногу осколок. – Я в отчаянии от того, что разбудил вас, но этот каналья хозяин!..

Плутона звали Огюстен дю Бартас, и он умудрился задолжать здешнему заведению за три недели. Об этом я узнал в первый же день, как поселился в «Форуме Траяна».

– К тому же вчерашняя жажда, которую пришлось заливать здешним мерзейшим пойлом, обратилась, о мой дорогой сосед, в такую сушь, по сравнению с которой пустыни Берберии поистине ничто! Mort Dieu! Так мне принесут выпить или нет? Ну что же это творится?

– Ужасно! – поспешил согласиться я, невольно сочувствуя бедняге Плутону. – Мате выпьете? В таких случаях изрядно помогает.

Кувшин с горячей водой уже стоял у моей двери. Здешняя прислуга умеет быть обязательной – если им не должать, само собой.

– Мате? – Голубые глаза удивленно моргнули. – А-а, все равно! Вы спасаете меня, о мой дорогой друг! Позвольте мне лишь одеться, ибо в гневе я совершенно забылся. Кстати, вы не видели моего слугу?

Его слуга, рябой нескладный малый, бежал еще неделю назад, опасаясь умереть с голоду в такой компании. Кажется, славный дю Бартас никак не мог поверить в его измену.

* * *

Сухая тыквочка, трубочка-бомбиля, ситечко.

– Прошу вас, синьор дю Бартас. Только осторожно – горячий.

Плутон не без опаски глотнул, подождал немного, прислушиваясь к новым ощущениям, снова взялся за бомбилю.

– Гм-м-м?!

– Пейте, пейте! – подбодрил я. – Помогает даже после целого кувшина тростниковой водки. А пульке – это вам не здешнее вино.

– Действительно.

Славный синьор, то есть, конечно, не синьор – шевалье дю Бартас удовлетворенно вздохнул, откинулся на спинку кресла.

– Уже лучше! Но, мой дорогой друг, ведь это трава!

– Листья, – улыбнулся я. – Дерево называется йерба. Издалека оно очень похоже на нашу липу.

Но из листьев липы мате не сварить. Увы, мой запас уже на исходе. А жалко!

Наконец тыквочка была осушена. Славный шевалье дю Бартас удовлетворенно вздохнул, проведя крепкой ладонью по сразу же покрасневшему лицу.

– Кажется, вы спасли меня, о мой дорогой друг, синьор де...

– Гуаира, – подсказал я.

В свое время я, конечно, представился, но моему соседу было не до новых знакомств.

– Дорогой синьор де Гуаира! Да пошлет Господь вкупе со Святым Христофором мне возможность отблагодарить вас сторицей! Ma foi! Если бы какое-то чудо позволило нам перенестись в мой славный замок, что находится в Пикардии...

Он глубоко вздохнул и пригорюнился. Я уже догадывался, что чуда не случится. Моему соседу не скоро доведется увидеть родную Пикардию.

– Увы, этот проклятый Мазарини, жалкий паяц, лакеишка с поротой задницей...

Лакеишка с поротой задницей, он же Его Высокопреосвященство Джулио Мазарини, совсем недавно вернулся в славный город Париж. Фрондеры проиграли.

– Поверите ли, дорогой друг, этот арлекин посмел поднять руку даже на принцев крови! Даже мой покровитель доблестный принц де Бофор едва сумел сберечь на плечах свою голову.

Голову принц де Бофор сохранил, вовремя договорившись с арлекином, а вот друзьям принца пришлось туго. Моему соседу не повезло.

– Поэтому я буду вашим вечным должником, мой дорогой де Гуаира, и если какой-нибудь случай даст мне возможность... Увы, сколь горька чужбина!

Он вздохнул, прикрыл глаза, по тонким губам скользнула горькая усмешка.

Ночь. Тишина. Бой башенных часов...
Их ржавый стон так нестерпимо резок:
В нем слышен труб нетерпеливый зов
И злобный лязг железа о железо...

О чудо! Мой шумный сосед читал стихи. И, кажется, не такие уж и плохие.

Сквозь мглу я вижу, как, оскалив пасть,
Друг друга разорвать стремятся кони,
Как труп безглавый, не успев упасть,
Несется вскачь в неистовой погоне.

Гляди: Конде, как прежде, – впереди!
В веселье яростном, коня прищпоря,
Бросаюсь в это бешеное море;
Или – погибни, или – победи!

...Ни смерти, ни побед: одни мечтанья!
Ночь. Тишина. Бессонница. Изгнанье¹⁰.

Он замолчал, и я поразился, как изменилось лицо этого буяна. Словно упала маска...

– Браво! – решился я наконец нарушить тишину. – Ваши?

– А? – встрепнулся шевалье дю Бартас. – Что вы, дорогой де Гуаира! Мне легче перебить дюжину швейцарцев, чем зарифмовать две строчки. Я вообще книжек не читаю. За свою жизнь я одолел часослов, молитвенник моей матушки и половину Евангелия от Матфея. Просто месяца два назад...

...Два месяца назад горячий пикардиец покидал Марсель, спасаясь от верной плахи. Добрые горожане собирались выдать всех фрондеров ландскнехтам мессера Мазарини. На постоялом дворе возле самой границы в его руки попала брошенная кем-то книга – маленький томик без обложки и титульного листа.

– Я знаю, мой дорогой друг, что чтение – занятие, недостойное французского дворянина, но эти стихи оказались дивно близки моей тоскующей по родине душе. Одно странно: стихов много, и они о разном, но почему-то все содержат исключительно четырнадцать строчек. Кажется, неведомый мне пиит был не очень изобретателен!

– Это сонеты, – постаравшись не улыбнуться, пояснил я.

– Сонеты? – крайне удивился шевалье дю Бартас. – А я думал – стихи! Однако же мы отвлеклись, мой дорогой де Гуаира. Я только хотел сказать, что если здесь, среди этих обезьян-итальяшек, моя шпага и моя честь могут сослужить вам службу...

Я собирался ответить столь же вежливо, но вдруг вспомнил. Если мне не приснился вчерашний вечер, то скоро сюда должны заглянуть мои новые друзья.

– Престранный случай, дорогой шевалье дю Бартас, – осторожно начал я. – Ваша помощь мне действительно может понадобиться. Дело в том, что вчера я очень мило побеседовал с одним достойным дворянином...

Он думал долго, но вот голубые глаза вновь сверкнули. На этот раз – восторгом.

¹⁰ Здесь и далее цитируются сонеты Ю. Н. Вейнерта и Я. Е. Харона из книги «Злые песни Гийома дю Вентре».

– Вы... Вы намерены драться, мой дорогой друг? Parbleu! Но ведь это же великолепно! То есть я хочу сказать, что это весьма прискорбно, но...

Шевалье дю Бартас вскочил, оправил кружевной воротник, короткая борода нацелилась мне в грудь, словно дуло пистолета.

– Сочту за честь быть вашим секундантом, синьор! Vieux diable! Вот это жизнь!

Я невольно залюбовался славным шевалье и вдруг понял, что мне повезло куда больше, чем думалось вначале. Безденежный рубака, которому некуда возвращаться, горячий как порох и не любящий мудрствовать...

Мне нужна шпага.

Мне очень нужна шпага!

2

Лет сто назад, когда Святой Игнатий был еще жив и все только начиналось, фундаторы Общества сформулировали несколько правил, ставших нашим негласным катехизисом. Они не записаны в Уставе, о них не всегда догадываются не только желторотые новиицы, но и наши смертельные враги. Они очень просты и незатейливы, эти правила, но именно благодаря им мы смогли выполнить нашу великую миссию.

Одно из них, быть может, самое простое, гласит: Общество должно иметь все самое лучшее. Все – от людей до политических и экономических теорий. Лучшее оружие всегда побеждает.

Я оглянулся на бесчисленные ряды книг, уходящие куда-то в неразличимую даль, и завистливо вздохнул. Это не перечитать за всю жизнь. Библиотека Ватикана, Среднее Крыло. Странное название, о котором знает далеко не каждый здешний библиотекарь.

Книги Общества. Все, какие только есть на свете: пальмовые листья с законами Ману, «Апостол» великого схизматика Иоанна Федорова, памфлеты французских монархомахов, капитулярии Меровингов. А дальше, за опечатанными дверями, – архив. Там тоже все, но что именно, можно лишь догадываться. За эти двери нет ходу даже мне, и только личный приказ Его Высокопреосвященства Генерала позволил увидеть малую толику лежащих под спудом сокровищ.

Слишком малую!

Слишком.

* * *

Я захлопнул тяжелый переплет и устало прикрыл глаза. День выдался сумрачный, и узкие стрельчатые окна с явной неохотой делились неярким светом.

Две тетради, одинаковые, как близнецы. Не очень толстые – к сожалению. Я бы не возражал, если бы их было два десятка и каждая – с Лютерову Библию.

Аккуратный писарский почерк. Это – копии, подлинники так и не покинули хранилище. И вновь нельзя спрашивать почему.

В этих тетрадях – целых полвека. Первый доклад брата Амброзио Мессала, прокуратора провинции Полония, датирован январем 1601 года. Камни на Campo di Fiori еще не успели остыть.

Мы были там полвека – в полуденных землях Республики, называемой также Речью Посполитой, или же Полонией. Точнее, сорок восемь лет. До той весны, пока не показалась трава на поле и ватаги не начали собираться к Киеву.

От тетрадей пахло сыростью, и мельком подумалось, что братьям-служителям не грех усовершенствовать вентиляцию. Здание старое, чуть ли не времен Крестовых походов.

Итак, миссия в Киеве...

* * *

Последним, что мне довелось читать об Обществе, был голландский памфлет с интригующим названием «Черная Гвардия Ватикана, или Очерк иезуитского Мракобесия», изданный в славном городе Амстердаме два года назад. Его мне любезно одолжил мессер ван дер Грааф, наш капитан, и я немало посмеялся на долгом пути из Буэнос-Айреса в Старый Свет.

Особенно порадовали меня пассажи о «неисчислимых сонмищах» иезуитов, шныряющих под каждым кустом и гнездящихся в каждой супружеской кровати. Последнее, вероятно, весьма бы порадовало некоторых матрон, но увы, увы! Другое дело, руководство Общества не прочь поддержать подобные слухи. Не исключено, что автор забавного памфлета тоже получил сотню-другую дукатов от провинциала Нидерландов.

А ведь действительно смешно! Именно там, в мятежных Соединенных Провинциях, где еретик сидит на еретике и атеистом погоняет, – наша главная европейская миссия. Приятно и полезно пребывать в самом центре антииезуитской борьбы. И даже поощрять героев.

В Амстердаме нас полсотни, во всех Соединенных Провинциях – вдвое больше. И это очень много.

А вот там, откуда я прибыл, нас всего два десятка. А наша провинция больше Голландии раз в пятьдесят.

В Киеве нас было трое, затем – четверо, а в последние годы – шестеро. Шесть братьев на сотни миль чужой враждебной земли.

Мало!

До смешного мало, но это были лучшие из лучших и храбрейшие из храбрых. Даже когда в Киев вошли ландскнехты мессера Хмельницкого, миссия продержалась еще целых полгода.

Пока не показалась трава на поле.

* * *

Донесения отца Джеронимо Сфорца, ректора миссии, были точны и понятны, как военные приказы. Я не знал его, как и всех остальных, и теперь очень жалел об этом. Особенно о том, что никогда не видел в лицо тех, кто не погиб в те страшные дни, тех, кого предстояло найти.

Брат Алессо Порчелли.

Брат Паоло Полегини по прозвищу Брахман.

Я не знал их в лицо, не знал, сколько им лет, кто они и чем занимались. Оба служили в миссии долго: брат Алессо – двадцать лет, брат Паоло – пятнадцать. Прозвище Брахман, которое носил сгинувший брат Паоло, позволяло догадываться, в какой части света он пребывал до того, как попал в Киев.

И это было все.

По некоторым намекам отца Джеронимо можно, однако, догадаться, что оба сгинувших брата имели право личного доклада в Рим, секретарю Конгрегации. Но эти доклады были мне недоступны, и я даже не мог предположить, что в них и почему я не могу на них взглянуть.

В этих стенах не задают лишних вопросов.

Оставались пути окольные, весьма ненадежные. Один из них начинался в сыром подвале монастыря Санта Мария sopra Минерва. Второй мог открыться прямо здесь, у бесконечных книжных полок. Если мне повезет...

Легкое покашливание заставило вздрогнуть. Брат библиотекарь – чернявый сморщенный горбун с изуродованной левой щекой – обладал весьма полезным в нашей жизни даром – передвигаться бесшумно. Правда, на лесной тропе этот дар уместнее...

– То, что вы просили, отец Адам.

Не голос – шелест. В глазах – покой и желание услужить гостю, но мне отчего-то почудилось, будто под его ризой ждет своего часа острое жало голубой толедской стали.

Ждет.

Ждет, пока гость не повернется спиной, не склонится над книгой. Той самой, которую горбун держал сейчас в руках.

– К сожалению, это все.

Я заставил себя прогнать нелепые мысли о толедской стали, готовой вонзиться мне между лопаток, поблагодарил и перехватил тяжелый том, водрузив его прямо посреди стола. То, что я просил... Если это действительно то, что я просил.

Я подумал об этом в первый же день, как попал сюда. В Киеве были лучшие из лучших, и вполне вероятно, что кто-нибудь из них доверял свои мысли бумаге. И не только доверял, но и посылал в типографию. А если так...

Титульный лист был выполнен в две краски – черную и розовую. Фигурная рамка, крылатые Гении по краям, внизу – нечто напоминающее пальму. Пальму?

«Жизнь Насекомых, или же Штудии о происхождении и бытовании жуков, клопов и в особенности клещей...»

Что-о-о?!

Дочитывать заголовок, занимавший восемь строчек, я не стал и поспешил открыть первую же попавшуюся страницу. На меня смотрело жуткое шестилапое чудище с короткими усиками и выпуклыми глупыми глазами.

А я и не знал, что в здешней библиотеке любят шутить!

Или горбун со сморщенным лицом принес книгу специально, чтобы улучшить миг, пока я буду разглядывать эту мерзость, и бесшумно выхватить кинжал?..

Я оглянулся. Горбун исчез.

Оставалось признать, что все это шутка. Я вновь поглядел на титульный лист: «...и в особенности клещей, встречающихся в странах Европейских, равно как и Азийских, включая земли Оттоманской Порты, Ирана и Индии, составленные и подготовленные тщанием брата Паоло Полегини...»

Паоло Полегини!

Я облегченно вздохнул и чуть не рассмеялся. Шутка действительно вышла на славу. Кто же мог догадаться, что сгинувший в далеком Киеве брат Паоло окажется любителем жуков, клопов и «в особенности клещей».

Итак, я не ошибся. Кое-что удалось узнать. По крайней мере о научных пристрастиях одного из пропавших братьев. В далеком Киеве у каждого из членов миссии была своя забота. Полегини искал клещей. Очевидно, в Индии, где в прежние годы служил Брахман, все клещи перевелись.

Я вновь открыл книгу и взглянул на ровные сухие буквы. Шрифт несколько старомодный, таким печатал свои книги еще Альдо Мануцио. «...Обыкновенный клещ, а тако же клещ собачий». Бр-р-р! Ну и мерзость!

«...Обыкновенный клещ, а тако же клещ собачий, к которому относятся вышеприведенные наблюдения, был известен Аристотелю под названием «кротона», Плинию же под именем «рицинуса»; последний вместе с тем сообщает, как сие название, относившееся первоначально к маслянистым семенам египетской клещевины, было перенесено на ненавистное животное.

Плутарх же остроумно сравнивает с рицинусом льстецов, кои, как ведомо, проникают в уши с похвалами, и, раз забравшись туда, уже не могут быть вновь оттуда изгнаны...»

Ну, с льстецами все ясно. Что там еще?

«...До сей поры отечеством европейских аргасов почитались Франция и Италия, однако же, с другой стороны, досточтимый Геррих-Шеффер высказал предположение, что оные встречаются и в Германских землях. Лет десять тому назад сие предположение подтвердилось в двух очень отдаленных одна от другой странах Германии и притом при чрезвычайно интересных обстоятельствах...»

Читать далее не имело смысла. Меня тоже занимали некие интересные обстоятельства, но труд добросовестного брата Паоло никак не мог мне помочь в разъяснении оных.

Я отодвинул книгу в сторону и не без опаски поглядел на руку. К счастью, клещей там не оказалось.

Оставалось последнее. Документ номер три, тоже копия. Небольшой лист бумаги, на который чье-то легкое перо нанесло причудливые изгибы неведомой реки. То, что это именно река, подтверждала стрелка, указывающая направление течения. Если судить по паучку-компасу, притаившемуся в левом верхнем углу, река текла с северо-запада на юго-восток. В правом углу, на этот раз нижнем, линейка масштаба с маленькой буквой «м». Мили, вот только какие? Испанские, французские? Так или иначе, от одного угла карты до другого было ровно шесть неведомо каких миль.

Возле речного изгиба имелись три кружка, которые в равной степени могли быть холмами или ямами. В центре среднего – буква N.

Все.

То есть почти все. Дабы мне не заблудиться, неведомый картограф прямо посреди водной глади уверенно вывел «КАЛЛАПКА».

Я протер глаза. Увы, зрение не подвело и на этот раз. Неведомая река называлась именно Каллапка. А еще точнее – Callарка.

Итак?

Итак, весной года от Рождества Господа нашего 1649-го, как только показалась на поле трава, киевская миссия Общества Иисуса Сладчайшего была уничтожена в ходе погрома, подготовленного и тщательно спланированного некими врагами Святой Католической Церкви. Их возглавлял «казак бывалый, некий мещанин киевский», с которым было заранее «все улажено». Среди погибших не оказалось двух членов миссии. Брат Паоло Полегини, имевший прозвище Брахман и ловивший клещей вкупе с тараканами по всему свету, пропал неведомо куда. Брат же Алессо Порчелли бежал «к Запорогам», где его свалила некая хворь.

* * *

Стало светлее. Я поглядел в узкое стрельчатое окно. Солнце – неяркое, зимнее. Почему-то в этот миг оно меня совсем не обрадовало.

В конце лета того же года исповедник трех обетов брат Манолис Канари послал в Рим донесение о случившемся, на которое был получен ответ лично от Его Высокопреосвященства Джованни Бассо Аквавивы. В начале ноября, находясь на Крите, брат Манолис отправляет в Рим два документа – рассказ о киевском погроме и странную карту. Двое братьев, пытавшихся узнать подробности, пропадают где-то между Карпатами и Днестром, и тогда из Прохладного Леса вызывают Илочечонка, сына ягуара.

Я вновь бросил взгляд на бледное холодное солнце, равнодушно глядевшее на меня сквозь толстые давно не мытые стекла. В Прохладном Лесу сейчас лето. Лето, которое мне уже не увидеть. Интересно, из какой дали вызывали братьев Поджио и Александра? Они наверняка тоже работали здесь, в Среднем Крыле, готовясь к опасной поездке. Может, даже за этим столом. И горбун-библиотекарь приносил им книгу со страшными картинками, а они удивлялись, не понимая, но надеясь понять.

Мир вам, братья!

В чем же вы ошиблись?

В чем?

3

Дверь в комнату шевалье дю Бартаса оказалась приоткрытой, и даже в коридоре был слышен его громкий звонкий голос.

Так-так, понятно!

Ты встречи ждешь, как в первый раз, волнуясь,
Мгновенья, как перчатки, теребя,
Предчувствуя: холодным поцелуем —
Как в первый раз — я оскорблю тебя.

Лобзание коснется жадных губ
Небрежно-иронической тенью.
Один лишь яд, тревожный яд сомненья
В восторженность твою я влить могу...

Чего ты ждешь? Ужель, чтоб я растаял
В огне любви, как в тигле тает сталь?
Скорей застынет влага золотая
И раздробит души твоей хрусталь...

Что ж за магнит друг к другу нас влечет?
С чем нас сравнить? Шампанское — и лед?

Подождав последней строчки, я взялся за ручку двери, походя пожалев, что невольно обманул моего нового друга. Это не сонет, как и слышанный мною ранее. Обычный четырнадцатистрочник без сквозной рифмы, к тому же сами рифмы, признаться...

— Добрый день, синьоры!

Я снова ошибся. Следовало, конечно, сказать «синьоры и синьорина».

Синьоры — сам дю Бартас с растрепанным томиком в руке и некий толстяк в атласном французском камзоле, — завидев меня, встали, синьорина же осталась сидеть. На Коломбине было знакомое белое платье, лицо скрывала полупрозрачная вуаль, на голове — шитая бисером шапочка.

Действительно, синьорина.

Дама!

— О, мой дорогой де Гуаира! — Шевалье шагнул вперед, радостно улыбаясь. — А мы как раз сожалели, что вы не отведаете этого славного вина, коим угощает нас добрейший синьор Монтечело...

...Высокий поливной кувшин, глиняные кубки, на большом блюде — сушеные сливы.

Так мы, оказывается, гуляем? Гуляем, стишата декламируем.

– Vieux diable! Конечно, это вино не может сравниться с анжуйским, не говоря уже о бургундском, однако же, мой дорогой де Гуаира, смею вас заверить...

– Д-добрый день, синьор!

Голос добрейшего синьора Монтечело прозвучал странно. Странно – и очень знакомо. Где-то я уже его...

– Мы с синьором дю Бартасом обсудили предварительные условия.

Ах, да! «Стража!» Точнее, «стра-а-а-жа!».

Объявился, значит?

На миг я пожалел, что назвал вчера свое имя. Педагогика – наука великая и полезная, но учить всех хамов подряд все-таки несколько затруднительно. Однако, как говорят мои земляки, коли взялся за гуж...

– Об условиях поговорим несколько позже.

Я оглянулся на замершую в кресле Коломбину, и тут на меня снизошло вдохновение. Вся жизнь – театр, сие не мною сказано. Благородный Илочечонк не станет разговаривать с «добрейшим синьором», мрачный мститель Ольянтай – тоже. А вот дон Сааведра дель Роха Эстебано, вице-губернатор Перу и кавалер Ордена Инфанта...

...Кислая мина, оттопыренная нижняя губа, тусклый взгляд. Не на врага – на полированные ногти правой руки.

– Поелику присутствующий тут синьор, а-а, позволяет себе некоторые замечания, смею предположить, а-а, что означенный синьор уже принес свои нижайшие извинения перед находящейся здесь же благородной дамой, а-а.

Не говорить – сплевывать слова. Именно так поступал брат Фелипе, играя Испанца. Дон Сааведра как раз незадолго до этого посетил Тринидад.

– В противном случае всякий дальнейший разговор между нами, а-а, становится более чем неуместен.

Я оторвал взгляд от ногтя безымянного пальца. Оценили?

Коломбина смотрела куда-то в сторону, шевалье удивленно моргал, толстяк же глядел виновато, втянув голову в плечи, отчего его шея, и без того короткая, исчезла без следа. Пухлые губы растерянно дрогнули:

– Я извинился перед синьорой Франческой! Извинился! Как только ее увидел, слово чести! Я извиняюсь и перед вами, синьор де Гуаира, поскольку мое вчерашнее поведение... Мое поведение...

«Стра-а-ажа!»

А он не из храбрецов! Извиняться можно по-разному.

– Вчера я был пьян... То есть все мы были пьяны, синьор! Маркиз Мисирилли предложил пугать прохожих, срывать с них плащи, ну, в общем, изображать banditto. Это, конечно, ужасно, но я был пьян. К тому же темнота, вы были не при шпаге, и мы решили...

Трус. К тому же дурак. Но это, как известно, не лечится.

– Я приняла извинения синьора Монтечело, – ледяным голосом отозвалась Коломбина.

– Хорошо, – кивнул я. – Извинения приняты, синьор. Но, насколько я помню, вас было трое.

Толстяк хотел что-то сказать, но дю Бартас его опередил:

– Маркиз Мисирилли и синьор Гримальди не желают извиняться. Синьор Монтечело прислан ими в качестве секунданта.

Толстяк потупил взгляд и попытался поклониться. Я вновь кивнул. Все-таки придется заниматься педагогикой.

– Однако, согласно кодексу поединков, принятому как во Франции, так и в Италии, вызов в данном случае может последовать только единичный, поелику не должно принимать второй, не удовлетворив первого...

Шевалье дю Бартас удовлетворенно потер руки. Он явно попал в родную стихию.

– По согласованию с синьором Монтечело мы определили, что первым должен быть принят вызов маркиза Мисирилли.

Ага, того самого, что лишился фамильной шпаги! Наверно, крепыш сейчас там, на набережной, ныряет в желтую тибрскую воду. Все-таки реликвия!

– А посему, синьоры, – удовлетворенно подытожил дю Бартас, – остается оговорить условия, к коим, как известно, относится выбор времени, места, оружия, а также необходимость удвоить или же утроить поединок.

Шевалье даже цокнул языком от удовольствия. Действительно, вот это жизнь, *vieux diable*!

Я хотел было поинтересоваться, каким это образом нас с маркизом намереваются «удваивать», но внезапно вновь заговорил толстяк:

– Я в-вынужден... Право, мне весьма неловко, синьор де Гуаира... Но маркиз настаивает, категорически настаивает...

Синьор Монтечело неуверенно потер короткопалые ручонки и зачем-то оглянулся по сторонам.

– Маркиз Мисирилли требует, чтобы вы... То есть просит... то есть... В общем, ему нужны доказательства вашего... вашего, извините, благородного происхождения. Смею напомнить, что вы, синьор де Гуаира, были не при шпаге, к тому же вы изволили драться истинно мужицким, прошу прощения, способом...

Я еле удержался от улыбки. Толстяк не ошибся! Этим «способом» злые черные мужики лихо лупцуют благородных «донов», забывших, что Господь сотворил людей равными.

– Достаточно устного свидетельства, синьор де Гуаира. Обычного устного свидетельства от лица, известного мне или маркизу...

Я чуть было не посоветовал обратиться к мессеру Аквавиве, но вовремя прикусил язык.

– Можете поинтересоваться у кардинала Джованни Спала.

Толстяк быстро кивнул, показывая, что вопрос решен, но не тут-то было.

– *Parbleu*! Кажется, кто-то здесь мается насморком. Сейчас будем лечить!

Шевалье дю Бартас встал, аккуратно отставил колченогий табурет и шагнул прямо к разом побледневшему синьору Монтечело.

– Так вот, о насморке. Только полный дурак и мужлан не может почуять дворянина на расстоянии двух шагов. О таких дураков, синьор, не пачкают шпаги. Сначала им отрывают их сопливый нос, а затем секут! Вожжами!

Голубые глаза горели, борода задралась вверх. Я невольно залюбовался доблестным шевалье.

– Так что можете передать глубокоуважаемому синьору маркизу, что за дворянское достоинство моего друга де Гуаира ручаюсь я, Огюстен дю Бартас. А ежели он усомнится в моем слове, я ему лично отрежу...

Шевалье мечтательно улыбнулся, не без смущения взглянул на невозмутимую Коломбину и вздохнул.

– В общем, отрежу уши. До свидания, синьор Монтечело, жду вас вечером или завтра утром. Я ужинаю после вечерни, а завтракаю в три¹¹.

Толстяк, пискнув что-то невнятное, поспешил выкатиться в коридор. Хлопнула дверь.

¹¹ То есть в девять утра.

* * *

– Канальи, mort Dieu! – резюмировал шевалье. – Может, им еще и герольда прислать? Да эти итальяшки попросту трусы!

Он резко повернулся, и тут его взгляд вновь скользнул по лицу Франчески.

– Ах, сударыня! Прошу прощения за то, что пришлось повысить голос, но эти макароники!..

– Ни к чему. – Девушка встала, дернула маленьким острым подбородком. – Это я прошу у вас прощения за неурочное вторжение. Я хотела убедиться, что с синьором де Гуаира не случилось беды. Маркиз Мисирилли – человек влиятельный и к тому же лучший фехтовальщик в Риме.

– Гм-м... – Шевалье помрачнел. – А вы не знаете, сударыня, что предпочитает сей маркиз – шпагу или рапиру?

Я понял, что пора вмешаться.

– Дело не в этом.

Я подошел к столу, плеснул в кубок темно-красного, похожего на кровь вина, глотнул – и невольно поморщился.

– Между прочим, шевалье, с этим пойлом вас явно надули. Так вот, дело не в искусстве фехтования. Дуэли в Риме, как и во всем Папском государстве, строжайше запрещены. В лучшем случае – тюрьма лет на пять. Всем, в том числе и секундантам. Это в лучшем случае.

Я говорил, уже зная, каков будет ответ. На миг мне стало стыдно. Наивный голубоглазый шевалье готов поручиться для меня самым святым, что у него есть, – дворянской честью. А я...

А я очень нуждаюсь в шпаге.

В надежной шпаге в надежных руках.

– Погодите! – Я поднял руку, не давая дю Бартасу вставить слово. – Вы – изгнанник, эмигрант. Речь идет не просто о дворянском достоинстве. Поверьте, замок Святого Ангела ничем не лучше Бастилии.

При слове «Бастилия» шевалье невольно вздрогнул, но тут же гордо вздернул голову:

– Тем лучше, друг мой! Тем лучше!

– Вы оба ненормальные! – Девушка топнула ногой, резко повернулась ко мне. – А вы!.. Разве... гидравликусам разрешены дуэли?

Я мысленно поблагодарил Коломбину за проявленный такт, мельком отметив, как брови достойного шевалье поползли вверх.

– Гидравликусам, – я вздохнул, – дуэли, конечно, не рекомендованы. Но эти синьоры иного языка не понимают. Надо объясниться, иначе завтра они вновь пойдут срыпать плащи и резать кошельки.

* * *

С людьми надо говорить так, чтобы тебя понимали, – второе правило из тех, что записаны в нашем негласном катехизисе. С японцами – по-японски, с персами – на фарси. Но язык – это лишь первый шаг, даже не шаг – шажок. У каждой нации, каждого сословия, города, селеньица – свои нравы, свои привычки. В славной Италии любят шумные праздники, в Богемии – кукольный театр, в Индии чтят брахманов, а по берегам великой реки Парагвай обожают музыку.

Мы, Общество Иисуса Сладчайшего, – разведчики, легкая кавалерия. Нас понимают везде – и в этом наша сила.

Господа маркизы понимают только язык дуэли, наречие шпаги, приставленной к горлу.

Ну что ж, побеседуем!

* * *

Синьора Франческа подошла к столу, нерешительно подняла кубок и, так и не отпив, резко поставила на место. По некрашеным доскам разлилась темно-красная лужица.

– Единственно, в чем вы правы, синьор де Гуаира, так это по поводу этого пойла. Честно говоря, не ожидала!

Я хотел переспросить, чего именно, но меня опередил шевалье:

– Помилуйте, прекрасная синьора! Мой друг де Гуаира повел себя как истинный дворянин!

– Я не синьора! – Девушка сорвала с руки тонкую шелковую перчатку, скомкала, сжала в кулаке. – Я – актриса, синьор дю Бартас! Для этих ублюдков с голубой кровью – просто девка, о которую можно вытереть ноги. Да все вы, попы и дворяне, одинаковы!

– Помилуйте, синьора Франческа! – в отчаянии воззвал дю Бартас, от волнения даже не обратив внимания на «попов». – Эти негодяи – итальяшки... Смею вас заверить, что дворяне прекрасной Франции...

– Я итальянка, синьор! Пойду, не надо меня провожать.

Я догнал ее уже в коридоре, но объясниться не удалось. В ее темных глазах был гнев и почему-то обида.

– Мне не нужна помощь, – отрезала она, не дослушав меня до конца. – Я думала, что помощь нужна вам, Адам... простите, синьор де Гуаира. Мне почему-то думалось, что... Но это неважно. Вы оказались таким, как и все прочие, да к тому же еще попом! Провожать меня не надо, на улице меня ждут Капитан и Доктор, у них два мушкетона и пистолы. Я теперь стала осторожна.

Я кивнул, одобряя подобные меры, однако же любопытство взяло верх.

– Не смею вас задерживать, Франческа, но... В чем я провинился? В том, что я священник и дворянин? В том, что я вызвал этого мерзавца на дуэль?

Она не стала отвечать. Дверь вновь хлопнула, на этот раз входная.

Бедняга Илочечонк и вправду оказался кругом виноват. Вот и пойми этих людей!

* * *

Прежде чем вернуться в комнату славного шевалье, я заглянул к себе, чтобы захватить кое-что из самого необходимого. Это «кое-что» я не собирался тащить с собой через океан. Я ехал налегке, оставив в Тринидаде даже гитару, о чем неоднократно жалел в пути. Но «кое-что» все-таки взял.

Уговорили.

Шевалье я застал за столом, с кубком в руке. При моем появлении он вздохнул и слегка скривился:

– Вы были правы, мой дорогой друг! Винишко – дрянь. Признаться, совершенно не разбираюсь в здешнем пойле. Ах, дорогой де Гуаира, если бы мы могли оказаться в моей Пикардии!.. Но у вас озабоченный вид! Не поссорились ли вы с вашей прекрасной подругой?

Я только развел руками.

– О, да! Эти женщины! – Дю Бартас вновь вздохнул и закатил глаза. – Mort Dieu! Иногда встречаются такие тигрицы! Правда, ни одна из них даже во гневе не называла меня столь страшным словом...

Словом? Ах да, «гидравликус»!

– Однако же у синьоры Франчески совершенно превратное представление о нашем сословии. Боюсь, ей встречались не самые достойные жантильомы.

Я вспомнил ее рассказ об актрисе, которую нужно рассматривать только на сцене. Шевалье явно не ошибался.

– Но, дорогой де Гуаира! Нам надо решить много важных дел. Место, время, оружие... Знать бы, в чем этот маркизишка мастак? Шпага или рапира? А может быть, палаш? Что скажете?

И вновь мне стало стыдно. Голодный эмигрант, не знающий, где пообедать, всей душой готов мне помочь. Просто так, без всякой выгоды.

Но мне нужна шпага!

Его шпага.

– Время и место – на их усмотрение. – Я махнул рукой и присел к столу. – Но, поскольку вызвали меня, выбор оружия за нами.

Он кивнул, лицо его сразу же стало серьезным.

– Верно, мой друг! Посему вы должны крепко подумать. Parbleu! Знать бы, шпага или...

– Сарбакан.

«Кое-что», только что изъятые из моей дорожной сумы, с легким стуком легло на стол. Голубые глаза достойного шевалье моргнули, вначале непонимающе, затем растерянно.

– Простите, это...

– Сарбакан, – подтвердил я. – Самый настоящий.

Дю Бартас покосился на стол, отодвинулся, вновь всмотрелся.

– Но ведь это же... дудочка!

То, что лежало перед ним, и в самом деле походило на музыкальный инструмент. Там, откуда я прибыл, братья часто брали с собой флейты, когда собирались в Прохладный Лес. На реке Парагвай любят музыку. Но у сарбакана особая мелодия.

– Сюда действительно дуют, – согласился я, беря со стола немудреное приспособление. – Дуть надо сильно и резко. Посмотрите на ставни. Там, наверху, пятно.

Шевалье, явно сбитый с толку, повернулся, взгляделся, вновь дернул ресницами.

– Там действительно пятно, мой друг, но...

Я поднес сарбакан к губам.

Дуть надо сильно.

Резко.

Звук был почти незаметен. Во всяком случае, для дю Бартаса. Прошла минута, затем другая...

– Я вижу пятно, – растерянно проговорил шевалье. – Вижу! Однако не сочтите за труд пояснить...

– Подойдите ближе, – посоветовал я. – Только, ради Господа, не трогайте руками!

Я ждал, невольно вспоминая далекий день, когда мне самому довелось увидеть, что может эта «дудочка». Только я видел ее в деле. Двое бандерайтов, пытавшихся напасть на нашу миссию. Точнее, их трупы. Скорченные, с посиневшими лицами.

– Да тут колючка!

– Не трогайте! – повторил я, хватая со стола тряпку. – Там яд! Очень сильный яд!

* * *

Трудно убить стрелой обезьяну. И обычной колючкой трудно – раненый зверь уходит в чащу, скрываясь в лесной глуши. А кроме обезьяны, есть еще ягуары, удавы, есть банде-

райты и копыеносцы-ланца. Клыки, когти, стальные мускулы, мушкеты, пики. А против этого – колючки. Маленькие колючки, которые легко собрать на любой пальме.

Колючки – и яд.

Тот, кто случайно выжил, рассказывал, что почти не чувствовал боли. Просто сводит мускулы. Просто холодеют руки. Просто...

Но таких, выживших, очень мало. Я видел одного – неподвижно лежавшего, не способного даже двинуть пальцем.

Благородный идальго Хуан Диас де Солис, железнобокий конкистадор, первым увидевший мутные воды Парагвая, говорят, смеялся над голыми дикарями, вооруженными деревянными «дудочками».

Колючка попала ему в щеку.

* * *

Когда шевалье все-таки решился взять сарбакан в руки, его лицо странно скривилось. Я понимал его – сам был таким.

– И этим у вас воюют? Какой ужас!

Я не спорил – ужас. Дикие кровожадные «инфлиес»¹², протыкающие ядовитыми колючками благородных «донов», несущих в Прохладный Лес блага кастильской культуры. Троглодиты. Монстры.

Дю Бартас покосился на тряпку, под которой лежала вынутая мною колючка, потер лоб, задумался.

– По зрелом размышлении, а также учитывая, что этот, гм-м, сарбакан, без сомнения, является оружием... Однако же, друг мой, насколько сие оружие благородно?

Я с трудом смог удержаться от улыбки.

– Касики, сиречь вожди племен, кои пользуются этими «дудочками», еще полвека назад были возведены Его Католическим Величеством во дворянство. Так что в Новом Свете – это оружие рыцарей.

– Правда? Тогда конечно. А если что, мы скажем...

– Что маркиз струсил, – усмехнулся я. – Покажите синьору Монтечело сарбакан, пусть закажет такой же у краснодеревщика. А колючек у меня хватит на всех. Стреляемся с десяти шагов.

– Решено! – Его глаза блеснули, широкая сильная ладонь ударила по столу. – Вот это будет дуэль!..

– *Vieux diable!* – закончил я, с запозданием сообразив, что богохульствую.

Mea culpa!

4

– Рад вас видеть, сьер Гарсиласио.

– К сожалению, не могу сказать того же.

Он изменился за эти сутки. Темные пятна легли под глазами, тонкая кожа щек казалась серой, уголки губ опустились вниз.

Изменилась и камера. Табурет стал повыше, из-за чего сьер римский доктор был вынужден то и дело дергаться, пытаясь достать ногами до пола. Бесполезно! В том-то и задумка:

¹² Инфлиес – туземцы.

неудобный табурет, две яркие лампы у самых глаз и, конечно, маленький человечек в капюшоне, удобно устроившийся рядом.

– Я ждал вас в полдень.

С ответом я не спешил. Да, он ждал меня в полдень, сейчас уже восемь, значит, со времени нашей встречи прошло больше суток. Для человека, сидящего на неудобном табурете, – много. Много – но еще недостаточно.

Недостаточно, чтобы увидеть Ад.

– Сьер, я хочу у вас спросить! Сьер!..

Да, и голос уже другой. Гордыни явно поубавилось.

– Простите, я... я не помню, как вас зовут. Сьер, я хочу спросить...

Третья лампа, такая же яркая, стояла передо мной. На этот раз она освещала страницы толстого тома, переплетенного в грубую кожу. Вчера я читал экстракт, сегодня – само дело. Мелкое, рядовое дело о ереси и распространении заведомо вредоносных учений. К счастью, неведомый мне писарь не сэкономил бумагу – буквы были размером с тараканов. Тех самых, которых столь добросовестно изучал брат Паоло.

– Сьер! Почему вы?... Извините, забыл ваше имя...

Да, спеси стало поменьше. Уже не требует – просит. Но спешить некуда, можно пока полистать протоколы. На следствии сьер Гарсиласио де ла Риверо был очень разговорчив. Тоже метода – и очень удобная: болтать о чем попало, старательно избегая важного. Вот, например, здесь... и здесь...

Я поднял взгляд – его глаза были закрыты. Это заметил не только я. Маленький человечек бесшумно встал, легко толкнул парня в плечо.

– А?! – В глазах плавала боль. – Опять? Сьер... Простите, сьер, они мне не дают спать! Я не понимаю! Я требую...

Я ошибся. Он еще требует.

Закладка легла на нужную страницу. Вот с этого и начнем. Но не сейчас. После.

Когда сьер Гарсиласио уже ничего не станет требовать.

– Я действительно опоздал, извините. Это первое. Теперь второе. Вы не забыли мое имя, я вам его просто не называл...

Он подался вперед, рискуя упасть с табурета, но я покачал головой. Рано! Даже имя мое называть рано. С именем я сразу стану для него человеком, а это лишнее. Я – Черный Херувим. «Как содрогнулся я, великий Боже, когда меня он ухватил...»

– Теперь третье, сьер де ла Риверо. Спать вам не дают по моему приказу. Для вас началась Вегилия.

В глазах – испуг, затем – отчаянная попытка понять, осмыслить. Да, он еще думает. Я пришел слишком рано.

– Вегилия? Это... бдение по-латыни? Но почему? Я же не смогу ничего соображать!

Да, не сможет. И не только соображать.

– Я хочу, чтобы вы попали в Рай, сьер Гарсиласио. Но для этого вам надо сперва увидеть Ад.

Тонкие губы дернулись, сжались.

– Кажется... Кажется, вы говорили об этом прошлый раз. Я подумал...

– Что это поэтический образ? Напрасно.

Я встал, зябко повел плечами. Черный плащ с капюшоном весь пропитался сыростью. Февраль!

– Хотите узнать, что я имел в виду? Извольте!

Да, я пришел рано. Но время нашей встречи можно использовать с толком. Пусть подумает – пока еще способен.

– Начну издалека. В одной умной книге описан способ укрепления души, идущей по пути Просветления. Это, конечно, нелегко. Требуется две недели – в полной тишине, в темноте, в одиночестве...

Лет двадцать назад мне же рассказывали о Просветлении. Только было это не в сырых подвалах Санта Мария сопра Минерва.

– Первые несколько дней ты вспоминаешь себя, свои дела и мысли: грешные, безгрешные – все. Это очень трудно – вспоминать все, не делая исключения. Затем ты начинаешь думать о тех, кто был праведнее тебя, кто страдал за Веру и Святую Церковь...

О тех, кто был праведнее. Как отец Пинто. Он умер, прибитый железными клиньями к стволу кебрачо, еще одно острие вошло в грудь, прижимая к его сердцу маленький томик Евангелия. Умер, а прочие живут. Такие, как маркиз Мисирилли. Как этот еретик. Как я...

– Затем ты вспоминаешь страдания Господа. Это тоже очень нелегко – вспомнить все, деталь за деталью: бич, бьющий по плечам, плевики в лицо, гвозди в запястьях. Вспоминаешь – и начинаешь Видеть...

...Поначалу это было просто невыносимо. Многие не выдерживали, стучались в закрытые двери, рвались туда, где ярко светило солнце...

– А потом ты начинаешь представлять себе Последнюю Битву: Божий Град Иерусалим, окруженный войском праведников в белых одеждах, – и Вавилон, оплот Сатаны, восседающего на пылающем темным огнем троне...

– Игнатий Лойола. – Голос сьера Гарсиласио звучал хрипло, тяжело. – Игнатий Лойола, «Exercitia spirituaia».

Я взглянул на него не без любопытства.

– Читали, сьер де Риверо?

– Читал...

Он вновь закрыл глаза – и новый толчок заставил парня очнуться. Человечек в капюшоне бесшумно опустил на табурет. Я вспомнил: таких, как он, называют Клепсидрами – Будильниками.

– Ну что ж, тогда нам будет легче разговаривать.

Негромкий смех был ответом. Сьер Гарсиласио закрыл глаза, откинулся назад.

– Так вы еще ко всему и иезуит! Странно, что я с самого начала не догадался, что вы из Общества.

Будильник был начеку. Парень застонал, открыл глаза.

– Компания Иисуса... Жаль, вашего Лойолу не сожгли еще тогда, в Толедо!

– В Саламанке, – тут же поправил я. – И разберемся с терминами. Слово «Общество» – «Compañia», сьер еретик, как вы можете догадаться, испанское. Оно означает не кружок собутельников, а военный отряд. Мы – Полк Иисусов, Его Войско. Но вернемся к «Духовным упражнениям»...

– Вы тоже видели все это, сьер иезуит? Иерусалим, Вавилон?

Неужели это ему интересно? Если так, то парень крепче, чем мне казалось.

– Видел. И, признаться, мои видения озадачили наставников нашего коллегима. На Сатане был зеленый наряд с желтыми пятнами, на голове – берет, его войско сидело на железных повозках, которые двигались сами по себе, без лошадей и мулов, а в небе летали птицы – тоже стальные. Над Иерусалимом же реял стяг с шестиконечной звездой, а рядом с ним другой – полосатый, с маленькими звездочками в углу.

Я невольно улыбнулся. Тогда меня даже отправили к лекарю. Тот долго качал головой, после чего велел мне побольше спать. Но во сне я вновь видел все это: железные повозки,

ревушие стальные птицы, острые носы крылатых стрел, направленных прямо в голубое безоблачное небо.

– И только потом ты начинаешь видеть Рай...

Я ждал нового вопроса, но его не последовало. Впрочем, я бы не стал отвечать. Про такое можно рассказать только на исповеди.

– Подобные духовные упражнения, сьер Гарсиласио, полезны всем добрым христианам. А тем, кто оступился, в особенности.

Он долго молчал. Мне даже показалось, что парень заснул – с открытыми глазами. Но вот кончики губ дрогнули.

– Я уже все рассказал. Все! Неужели вы думаете, что я стану читать...

– А это и ни к чему.

Еретик, посмевавший поднять руку на Мать-Церковь, не станет умиляться при виде страданий Господа. Себя он любит больше. Что ж, пусть пожалеет о себе, любимом.

– Для этого и придумана Великая Вегилия, сьер Гарсиласио. Три-четыре ночи без сна – и Сатана, которому вы служите, сам придет к вам. Ваш Ад будет страшен. А вот увидите ли вы Рай, зависит уже от вас. Ну, и от меня в какой-то мере.

– Я все равно ничего вам не скажу!

В его голосе слышалось упрямство и одновременно – страх.

– «В боренье с плотью дух всегда сильнее», – усмехнулся я, вставая. – Докажите! Я зайду к вам через пару деньков...

– Погодите! – Он попытался вскочить, но Будильник тут же оказался рядом. – Вы!.. Вы не имеете права! Пытайте меня! Пусть даже дыба, велья!.. Я уже все сказал! Все!

Велья? Лучше бы ему не поминать такое. Этот мальчишка – не Фома Колоколец. На велье он сказал бы все, оговорил бы родного отца, братьев, Господа Бога вкупе с Мартином Лютером. Но мне не нужна его боль.

– Вы, кажется, поклонник Ноланца, сьер Гарсиласио? Ну так докажите это. «Когда, судьба, я вознесусь туда, где мне блаженство дверь свою откроет...». Помните?

Он не помнил. Точнее, просто не знал. Наверно, из всего Бруно сьер еретик изволил прочесть только «Тайну Пегаса».

– У него превосходные стихи. Пусть они вас слегка подбодрят. Это вам понадобится.

Я прикрыл глаза, вспоминая. Много лет назад, когда я впервые ступил на неровный булыжник Campo di Fiori, эти строки не выходили из головы. Я словно слышал холодный, чуть презрительный голос Великого Еретика, говорящего со мной сквозь вечность. Голос из Ада, из его черных ледяных глубин.

Когда, судьба, я вознесусь туда,
Где мне блаженство дверь свою откроет,
Где красота свои чертоги строит,
Где от скорбей избавлюсь навсегда?

Как дряблым членам избежать стыда?
Кто в изможденном теле жизнь утроит?
В боренье с плотью дух всегда сильнее,
Когда слепцом не следует за ней!

И если цели у него высоки,
И к ним ведет его надежный шаг,

И ищет он единое из благ,

Которому дано целить пороки, —
Тогда свое он счастье заслужил,
Затем, что ведал, для чего он жил¹³.

Он ведал, для чего жил, Бруно Ноланец, сатанист и гений, умевший смотреть сквозь хрустальную сферу Небес. Но этот мальчишка – не ему чета. Ноланца не смирили ни годы, ни пытки. Этому же хватит трех дней в компании с Будильниками. И он забудет о гордыне.

Как труп.

Как топор дровосека в умелых руках.

В моих руках.

5

Серый мокрый гравий под ногами, такое же серое небо над головой.

Вечер...

Ранний зимний вечер, обломки колонн, неровные, покрытые еле заметными капельками влаги, разбитый мраморный лик, бессмысленно пялящий пустые глаза...

Форум.

Сердце Великого Рима.

Я оглянулся, узнавая. Когда наставник, падре Масселино, в первый раз привел нас сюда, я почувствовал удивление – и обиду. И это Великий Рим? Город Цезаря и Цицерона, Столица Мира? Грязный пустырь, покрытый серыми обломками? Конечно, я знал, что с той поры прошла тысяча лет, но разве я мог тогда понять, что такое тысяча лет? Десять веков! Десять! А эти серые колонны все еще стоят.

Странно, разговор с этим мальчишкой стоил мне больше, чем думалось...

Падре Масселино, кажется, понял и принялся объяснять, каким был Форум раньше, за десять веков до того, как мои детские башмачки ступили на этот гравий. Золото, зеленоватый мрамор, ровный торжественный марш коринфских колонн, надменные бронзовые боги на постаментах. Они не знали меры в своей гордыне, эти язычники, думавшие, что их Рим действительно Вечный.

Много позже, глядя на руины дворца Сыновей Солнца на окраине Тринидада, я все время вспоминал Форум. Инки тоже мнили себя владыками Вселенной. Прошел всего век, но высокая трава уже покрыла их города, и дерево омбу растет посреди тронного зала.

Тогда, в детстве, я честно пытался представить то, о чем рассказывал наставник. Эти потрескавшиеся ступени – святилище Сатурна, стена, грозящая рухнуть в любой миг, – храм Кастора и Поллукса, звездных Близнецов... Не получалось. Камни оставались камнями – пыльными, никому не нужными, замолчавшими навеки.

И все-таки что-то меня расстроило. Конечно, не сам съер Гарсиласио. В конце концов, я спасаю не только его бессмертную душу, но и жизнь. Этого он еще не знает, да и ни к чему ему это знать.

Тогда что?

Я поддал ногой дно глиняного кувшина и вздрогнул от легкого стука. Я знаю ответ. Знаю – и боюсь себе признаться. Боюсь, потому что вспомнил...

¹³ Перевод А. М. Эфроса.

Я никогда не знал своего отца. Он умер от ран на чужбине, когда я еще не родился. И я не любил его, бросившего мать ради никому не нужной славы и горсти серебра.

Я – Постум.

Посмертник.

Потом были наставники, учителя, приятели. Даже друзья были. Был Станислав Арцишевский, Бешеный Стась, единственный земляк на тысячи миль вокруг.

Были. Но отца уже не было.

Мне исполнилось пятнадцать, когда я впервые вдохнул влажный воздух Гуаиры. Мне было страшно – и одиноко. Илочечонк попал в Прохладный Лес. Лес, в котором люди были порою страшнее ягуаров.

Отец Мигель Пинто...

Я так и называл его – Отец, и не только потому, что он был коадьюктором, а я только-только принял третий обет.

Отец... Я-Та – как звали его гуарани.

Тот, кто стал отцом сироте Илочечонку.

Странно, ведь тогда ему еще не было и тридцати.

Я мотнул головой, прогоняя непрошенные воспоминания. Непрошенные, ненужные. Отец Мигель Пинто навеки остался со своими сыновьями среди Прохладного Леса. И только Илочечонк, его любимый сын, поспешил уехать от еще свежей могилы.

Земля на могиле была желтой – как тибрская вода.

И мне нет прощения!

Я оглянулся, словно кто-то, скрывающийся за серыми колоннами, мог подслушать, догадаться, – и тут же горько усмехнулся. Конечно, нет! На грязном пустыре, бывшем когда-то сердцем Вселенной, никого нет. Да и кому нужен одинокий чужак в модном амстердамском плаще и нелепой шляпе? Напрасно я забрел сюда!

Напрасно!

И совсем напрасно вспоминаю то, что мне велено забыть.

Илочечонк, сын ягуара, не виноват.

Ни в чем!

Отец Мигель Пинто, провинциал Гуаиры, принял смерть за дело Христово, выполнив свой долг до конца.

И я тоже выполняю свой долг.

А долг – это приказ. Приказ, которому я послушен.

Как труп.

Как топор дровосека.

6

– Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострю-полирую!

Я невольно оглянулся – здоровенный чернобородый детина в рваной куртке и такой же шляпе лихо крутил ножной привод, легкими движениями поднося к вертящемуся точилу огромный нож. Здесь, у входа в гостиницу, вечно крутится всякий люд: зеленщики и возчики поутру, разносчики и торговцы – ближе к полудню. Кажется, настал час точильщиков.

– Вострю-полирую! Эй, синьор, а не затупилась ли у вас шпага?

Лицо точильщика тонуло в вечерней тени. Рукам повезло больше – на них как раз падал свет из окна. Я мельком отметил, что у ножа приметная рукоятка – костяная, с углублениями для пальцев и двумя большими медными заклепками.

– Так как насчет шпаги, синьор? Шпаги-палаши-кинжалы вострю-полирую!
Я покачал головой и взялся за рукоять двери. Поздновато же чернобородый ищет клиентов! Или его клиентура как раз ночная?
– Ножи-заточки – друзья среди темной ночи! Плати байокко – наострю на два срока! Да он весельчак!

* * *

Громкий голос шевалье дю Бартаса был слышен даже в конце коридора. Первая мысль оказалась не из самых удачных: наш хозяин, отчаявшись получить долг, велел принести «испанский сапог» прямо в номер.

Бурбон, Марсель увидя,
Своим воякам рек...

Слава Господу в вышних, ошибся. Доблестный шевалье всего-навсего распелся.

О, Боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?
То спуски, то подъемы,
Ах, горы не легки!..

Я постучал и заглянул в комнату. Шевалье дю Бартас восседал за столом, пустой кувшин приткнулся к ножке стула, кубок – тоже пустой – стоял вверх доньшком, наводя на грустные мысли.

Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки!

Стась Арцишевский, когда мы с ним в очередной раз дегустировали aqua ardiente, рассказывал, что пушкарям перед залпом следует открыть пошире рот, дабы не оглохнуть. Я уже собрался последовать его совету, но песня смолкла, и я так и не узнал, что стало дальше с вояками славного принца Бурбона.

– Ужинали, синьор дю Бартас?

Его вздох напоминал отзвук дальней канонады, и я невольно посочувствовал славному шевалье. Кажется, не только солдатам принца довелось свистеть в кулак.

– Тогда я закажу ужин прямо сюда, а вы пока расскажете.

– О, мой дорогой друг! – прочувствованно воскликнул дю Бартас. – Поистине вы меня спасаете от лютой смерти, ибо наш каналья хозяин окончательно потерял всякий стыд и определенно решил заморить меня голодом. Ну почему в этом городе никто не дает в долг? Mort Dieu! Проклятые итальяшки! Хуже них – только испанцы, будь они трижды...

Тут он взглянул на меня и осекся.

– То есть, мой дорогой де Гуаира, я ни в коем случае не имел в виду вас...

Меня?

– Извините, ради Бога, сам не знаю, как это язык повернулся...

Я понял. Акцент! Я ведь тоже говорю с кастильским акцентом, как и бедняга де ла Риверо!

– Я не испанец, синьор дю Бартас. И даже не португалец.

– Правда? – Голубые глаза засветились радостью. – О, мой друг, поистине это хорошая новость! Ma foi! Вы мне дороги, будь вы даже гололобым турком, но то, что вы не поганая испанская собака, – это отличная новость!

Я невольно сглотнул. Поганая испанская собака, гололобый турок, английский еретик, итальяшка, грязный индеец, пархатый жид...

А ведь шевалье не из худших в человеческой стае!

– Я русин, если вы, конечно, не против.

Дю Бартас решительно качнул головой:

– Помилуйте, мой друг! Как я могу быть против?.. Гм-м, а это где? В Америке?

Я чуть было не удивился, но вовремя вспомнил о синьорине Коломбине. Кажется, без нее не обошлось.

– Чуть ближе.

– Эх, взглянуть бы! – мечтательно протянул шевалье. – А то, признаться, даже скучно! Никогда не бывал дальше Перпиньяна. Вот только сюда занесло, и то без медяка в кармане.

Желания, высказанные вслух, имеют обыкновение сбываться. По крайней мере иногда.

* * *

Ужинал шевалье с превеликим аппетитом, утоляя жажду отличным неаполитанским «Греко». На этот раз я решил проявить здоровую инициативу и лично распорядился по поводу вина.

– Отменно! – констатировал дю Бартас, осушая третий кубок. – Жизнь, дорогой де Гуаира, становится все краше! Кстати, вы деретесь завтра на рассвете, после заутрени. Аппиева дорога, возле гробницы синьоры Цецилии Метеллини.

Глоток «Греко», которым я запивал жареную пулярку, на миг застрял в горле. Завтра?

– Мы решили не тянуть. Parbleu! Такие дела надо решать быстро!

Выходит, маркиз Мисирилли решил не утруждать себя тренировками в искусстве плеванья колючками. Жаль! Завтра и без того трудный день.

– Расстояние десять шагов, очередность – по жребию, колючки – ваши. Жаль, не придется все это удвоить!

Опять – удвоить! Переспрашивать я не стал, но дю Бартас разгадал мое недоумение.

– Как, мой дорогой друг? И вы тоже не слышали об этом? Vieux diable! Сколь медленно распространяются добрые обычаи! В Париже давно всех удваивают. Дерутся не только вызванный и принявший вызов, но и секунданты. Впрочем, удвоить – не предел. Однажды я дрался с самим д'Артаньяном, лейтенантом «черных» мушкетеров. Мы были с ним секундантами; а всего в тот день скрестили шпаги восемь человек. Мне тогда проткнули бедро. Вот это жизнь!

Как мало нужно человеку для счастья!

* * *

...Желтая вода подступала к горлу, захлестывала рот, не давая даже крикнуть. Меня бросили в Тибр – как старинную шпагу, врученную моему деду Карлом, императором Священной Римской империи. Тяжелую шпагу с широким лезвием, какие уже почти не носят...

– Я, брат Адам, прозываемый Рутенийцем, исповедник трех обетов и коадьюктор Общества Иисуса Сладчайшего...

Под ногами – пучина, руки застыли, словно в моем запястье уже торчит игла – маленькая колючка с ядом кураре. Ядом, которым убивают ягуаров.

– ...добровольно и по душевной склонности принимаю четвертый обет...

На малый миг вода отступает, уходит вниз, и я начинаю понимать, что все неправильно. У меня никогда не было шпаги, мой дед не служил императору Карлу, и мне незачем принимать четвертый обет, повторяя звонкие латинские слова. Я уже принял его неделю назад здесь, в Риме...

— ...повиноваться Его Святейшеству Папе и Его Высокопреосвященству Генералу...

Да, мой отец никогда не служил Империи. Он был верен королю Жигимонту и ради этой верности бросил меня, еще не родившегося, чтобы умереть от ран под Дорогобужем, в далекой неведомой Московии. У него не было шпаги, была сабля, старинная «корабелка», доставшаяся не мне, а старшему брату.

— ...воспитывать новичков в духе преданности Господу нашему Иисусу Христу и Обществу Его...

...Как воспитывали меня самого. Мать умерла, когда мне было восемь, и дальние родичи поспешили определить сироту в коллегиум. Доля младшего сына – стать священником или ландскнехтом.

— ...а также нести свет веры Иисусовой по всему миру среди диких туземцев, не жалея сил и самой жизни...

Но ведь я и так посвятил этому жизнь! Я нес свет, не жалел жизни, ни своей, ни чужой!..

Я нес свет. Я – Светоносный.

Светоносный...

Люцифер.

Я – Черный Херувим.

Нет!!!

От ужаса путаются мысли, а вода уже заливают глаза, легкие тяжелеют, наполняются рвущейся болью. А голос все звучит, и кто-то невидимый повторяет знакомые слова. И тут я наконец начинаю понимать...

— ...и в том я клянусь, и присягаю, и даю свое слово...

Я наконец начинаю догадываться. Все правильно! Люцифер тоже не понимал, за что его свергают с Небес. Ведь он нес свет, он двадцать лет прожил на болотистых берегах великой реки Парагвай. Он учил детей, сражался с бандерайтами, строил миссии среди сырой чащи, вел переговоры с надменными идалго из Лимы. Он играл в театре, он был Илочечонком, сыном ягуара, маленьким мальчиком, нашедшим свое счастье в Прохладном Лесу...

Он? Я – это Он?

— ...и да поможет мне Господь. Амен!

Голос доносится глухо, еле слышно, вокруг смыкается тьма, и вместе с ней приходит покой.

Я заслужил эту смерть. Ягуара выманили из чащи, чтобы убить. Бешеного ягуара.

Каннибала!

Он уже не нужен, нужен кто-то другой, тот, кто принял сейчас четвертый обет. Он, неведомый, будет служить тому, ради чего погубил душу я.

Я – кнеж Адам Константин Горностай из рода Гедемина Великого, сын Самуила Горностая, подкомория киевского, и княгини Теофилы Горайской. Мой герб – Гиппоцентавр с луком и стрелой, увенчанный тяжелой княжьей короной, и моя судьба – покоиться тут, под тяжелой желтой водой.

Покоиться...

Амен!

И тут черное одеяло сна на миг разрывается, и перед глазами встает неровное поле в сером пороховом дыму, всадники в мохнатых малахях мчат прямо на тупые гарматные жерла...

Но я спокоен.
Мне уже нечего бояться.

7

Повозка, вызванная хозяином, стояла у самого входа. Возница дремал на козлах, сжимая в руках кнут.

– Parbleu! – Шевалье зябко повел плечами и скривился. – Неужели нам придется ехать на этом одре?

Я усмехнулся и посмотрел наверх, на сжатое черепичными крышами темное небо. Скоро рассвет, надо поспешить...

– Предпочитаете мчаться верхом, дорогой дю Бартас?

– Что вы! – Шевалье потряс головой, отчего шляпа тут же съехала на ухо. – Перед дуэлью? Верхом? Надеюсь, вы шутите, дорогой друг!

– Топоры-ножи-ножницы-сечки! Точу-вострую-полирую!

От неожиданности я вздрогнул. Так-так, точильщик уже на посту. Странно, его черная борода за ночь стала рыжей.

– Шпаги-палаши-кинжалы!..

– Вам не надо подточить шпагу, шевалье?

Дю Бартас покосился на точильщика, хмыкнул.

– Помилуйте, у этого мужлана? Однако же, друг мой, ведомо ли вам, где похоронена синьора Цецилия Метеллини?

– Цецилия Метелла, – постаравшись не улыбнуться, уточнил я. – Это жена знаменитого Марка Красса.

– Кого?!

Ответить я не успел. Легкий стук каблучков – совсем близко, рядом.

– Адам! Синьор Адам!

На Коломбине была черная маска – в цвет тяжелой мантильи, из-под которой выглядывало знакомое белое платье. И таким же белым казалось лицо. Или виной всему предрассветный сумрак?

– Я... Я, кажется, успела. Ничего не говорите, Адам, не надо! Я просто... просто... Вы действительно должны драться? Ведь это же глупость! Это...

– Доброе утро, прекрасная синьора! – Дю Бартас тут же оказался рядом, сжимая шляпу в руке. – Увы, именно это сейчас предстоит моему и вашему другу, дорогая синьора Франческа! И прошу, не желайте ему удачи, ибо это худшая из примет.

Ее лицо дернулось. Взгляд из-под маски заставил славного дю Бартаса отшатнуться и ретироваться к повозке.

– Ну почему вы такой, как все, Адам? Ради вашей дворянской спеси, вашей гордыни!..

Я молча поклонился. Хорошо, что девушка не знает всей правды! Если бы дело было только в гордыне!

– Но если так... Если вы такой... Я вас могу благословить?

В темных глазах блеснула неожиданная усмешка, и мне сразу же стало легче.

– Можете. – Я улыбнулся в ответ, и тут же ее губы...

...От маски пахло духами и клеем...

– Идите! – Франческа отстранилась, надвинула мантилью на голову. – Идите же, не смотрите на меня!

Сонный возница взмахнул кнутом. Я оглянулся, но девушка уже исчезла.

– Vieux diable! – мечтательно проговорил шевалье. – Как я завидую вам, дорогой де Гуаира! Эх, мне бы такую дуэль!

Отвечать было нечего. Я отвернулся. Повозка тронулась.

– Топоры-ножи-ножницы-сечки! – донеслось из-за спины, и я почему-то вновь подумал о бессонном точильщике.

Что случилось с его бородой?

Да, жизнь действительно театр. И хорошо, если приходится играть в комедии. Тычки, затрешины, любовник в сундуке. Глупо, конечно, но это все-таки лучше кровавой красоты шекспировских ужасов.

Итак, играем!

* * *

Декоратор постарался. Задник сцены в меру мрачен и в меру нелеп. Темные потрескавшиеся стены древней гробницы, грустные пинии вокруг – и белые ажурные зубцы поверху, словно могила Цецилии Метеллы надела чепец, какой носят субретки. Предрассветное серое небо, далекий глухой голос колокола...

– Ага, вот и они! Однако же прохладно, дорогой де Гуаира!

На эту реплику можно не отвечать. Я – Арлекин, принявший вызов чванливого Капитана и теперь, дабы посмешить благородную публику, во всем подражающий своему врагу. Нос надменно вздернут, ботфорты гордо попирают холодную твердь, покрытую влажными желтыми иголками.

– Доброе утро, синьоры!

Их снова трое – крепыш, толстяк и высокий. Три Капитана – надутые щеки, брови – к переносице, носы, как и у меня, – к зениту. Играют от души.

Почему их трое? Маркиз, синьор Монтечело и...

«Хватайте ее, синьор Гримальди!»

Да мы, оказывается, знакомы!

Вся труппа в сборе. Приступим?

– Прежде чем мы начнем, синьоры, хочу исполнить свой долг и предложить вам принести взаимные извинения...

Реплика звучит неубедительно, фальшиво, и сам шевалье понимает это. Вновь можно не отвечать, достаточно покачать головой.

Крепыш превосходно играет. Его лицо в меру мрачно, в меру горделиво. Разглядывать его я не собираюсь – не время.

Играем!

Плащ падает на землю. Поверх него – камзол. Холодный воздух заполняет ворот рубахи.

– Жребий, синьоры!

Тяжелый дукат неохотно, медленно взлетает к низкому серому небу. Взлетает, замирает на миг, словно раздумывая.

Орел?

Решка?

Вместо орла – чей-то заносчивый профиль в окружении полустертых латинских букв.

Вместо решки – рыцарь в доспехах с пучком стрел в левой руке.

Рыцарь – это я. И стрелы со мной, маленькие, завернутые в белую тряпицу.

Дукат все еще падает. Медленно, медленно... Публика замирает в ожидании, начисто забыв, что это все – комедия, где бьют и убивают понарошку.

Орел!

Лицо крепыша в этот миг становится похожим на золотой профиль. Его выстрел – первый.

Сарбаканы!

Краснодеревщик постарался: «дудочка» маркиза ничем не отличается от моей, даже лучше – полированная, с затейливой змейкой орнамента.

Колючки!

Тряпица разворачивается медленно, дабы зрители успели почувствовать, ощутить весь ужас этих маленьких стрел, готовых вонзиться в руку, в горло, в лоб.

Все?

Нет, не все. Арлекин не был бы Арлекином, если бы упустил возможность потянуть время. Скучным равнодушным голосом поясняя, как лучше брать колючку, как вкладывать ее в «дудочку».

Капитаны сердятся, супят брови.

Смешно!

Теперь веселая игра: у кого ноги длиннее. Вы победили, синьор Гримальди, значит, вам и шаги отсчитывать!

Раз... два... три...

Один плащ – налево, второй – направо.

По местам!

Синьор Гримальди вкупе с синьором Монтечело успешно делают вид, что им не по себе. Не отстает и шевалье. Маркиз внешне спокоен, но мне почему-то никак не удается разглядеть его лицо.

Новая игра: у кого руки длиннее. Так-так, дорогой дю Бартас, значит, вам и платком махать.

Литавры, барабанная дробь, тихий вздох зала, белый всплеск слева...

...И легкий, еле заметный ветерок у самого уха.

Все правильно! Злой Капитан не может поразить доброго веселого Арлекина.

На то и комедия!

Теперь можно повертеть сарбакан в руке, поднять колючку, поднести к глазам.

Пауза – уже последняя. Публика это любит!

Еще, немного еще...

Пора!

* * *

Опускаю сарбакан, вытираю платком губы и облегченно вздыхаю.

Отыграл!

Теперь очередь Капитана. Сейчас он должен поднести руку к горлу, нащупать иголку...

Подносит, нащупывает.

Падает.

Падает?

Хорошая импровизация, очень хорошая! Маркиз оказался прекрасным актером. Но почему кричит синьор Монтечело? Почему синьор Гримальди...

– Он... Он умер! Господа, он мертв!

Что такое? Эта реплика – лишняя, совсем лишняя! Ведь это все – комедия! Зачем же...

Холодный воздух – в лицо, теплое запястье – под пальцами.

Все еще теплое...

Отпускаю его руку, встаю, хотя на плечах – глыба свинца, словно у дантовских грешников.

Слишком поздно!..

Слишком поздно я понимаю: таких комедий не бывает. Смерть – никудышный актер, у нее все – взаправду.

– Гадюка!

– Я попросил бы вас, синьор Гримальди, выбирать выражения!..

– Трусливая гадюка! Подлец!

Занавес опустился, но ничего не кончилось. Кажется, секунданты уже готовы взяться за шпаги.

Дабы все удвоить.

– Ma foi! Все состоялось согласно уговору и правилам, принятым...

– Гадюка!

Открываю глаза. Лицо маркиза рядом, и я впервые могу рассмотреть его. Лет двадцать – не больше. Мальчишка. Мертвый мальчишка с широко раскрытыми глазами, в которых навеки застыл ужас.

Синьор Монтечело стоит рядом и странно шморгает носом. А синьор Гримальди...

– Это была не дуэль! Ты подлец, ядовитая змея, убийца!..

Гримальди тоже молод, немногим старше маркиза. Высокий, крепкий, жилистый. Ему бы к отцу Хозе, тому нравились такие – длиннорукие, голенастые.

Ничего уже не исправишь, не спасешь – кроме истины. Наклоняюсь над телом. Колючка легко выходит из ранки.

– Извольте убедиться, синьоры!

Легкая боль в запястье – и дружный вздох со всех сторон.

– Mort Dieu! – Это, конечно, шевалье.

Минута, другая... Вынимаю колючку, отбрасываю, не глядя.

– Там нет яда, синьоры. Можете убедиться.

На меня смотрят, все еще не веря. Синьор Гримальди подхватывает упавшее на покрытую желтыми иголками землю черное жало, морщится, укалывает палец.

И вновь мы ждем, время тянется, а в глазах мертвого маркиза – все тот же ужас и холодная пустота.

– Там нет яда, – повторяю я невесть зачем.

– Но почему?! – В голосе синьора Монтечело – слезы, и на лице – тоже слезы. Он самый старший. Жаль, что тогда, на набережной, он не смог сдержать глупых мальчишек, решивших поиграть в banditto.

Объяснять не хочется, тем более объяснять очевидное.

– Он умер от страха, синьоры. Просто от страха...

Правда – но, конечно, не вся. Его убил я. Убил – хотя и не желал этого. Хотелось проучить, оставить с мокрыми штанами, чтобы запомнил и закаялся навек...

Дорога в Ад, я тоже тебя мощу!

– В любом случае, синьоры, – несколько неуверенно произносит дю Бартас, – дело кончено.

– Вовсе нет!

Синьор Гримальди дергает рукой. Ножны отлетают в сторону, тускло блещет серая сталь.

– Защищайся, ублюдок!

У меня нет шпаги. Сарбакан – в левой руке, колючки – настоящие – за поясом, но я не хочу никого убивать!

– Защищайся, трус! Дайте ему шпагу! Шпагу!

Сарбакан с легким стуком падает на землю. В моей ладони – теплая рукоять. Я даже не успеваю понять, чья это шпага.

– Вот тебе, каналья!

Его шпага взлетает вверх, затем устремляется вперед, и я даже не замечаю, как вновь превращаюсь в маленькую лохматую обезьяну...

...которая растерянно глядит на длинную тяжелую железяку, не понимая, зачем странные люди всучили ей это диво. Надо быть очень глупым, чтобы пускать подобное в ход, забивая голову бесконечными квинтами, терциями, рипостами и флаконадами ан корте. Зачем такая тяжесть? В крайнем случае хватит обломка бритвы или маленького ножичка, который так удобно зажать в пальцах ноги.

Ай! Страшный человек делает шаг вперед, зачем-то тычет сталью в бедную маленькую обезьяну.

Ай!

Обезьяньи пальцы не могут удержать тяжелый эфес. Злой человек цепляет железяку полосой сверкающей стали, крутит, вертит...

Железяка летит в сторону, ударяется о покрытый темной корой ствол пинии, катится, замирает. А злой человек, радостно ухмыляясь, подается вперед, вновь тычет сталью прямо в покрытую шерстью обезьянью грудь.

Дерево далеко, не запрыгнешь! Бедная обезьяна в ужасе, остается одно – упасть, зарыться лицом в холодную землю.

Скорей!

Вниз, упор на передние лапы, замереть, прижаться к влажным желтым иголкам. Глупый злой человек решит, что бедная обезьянка мертва. Тогда он уйдет. Ведь люди – не ягуары, они не едят обезьян!

Но что это с человеком? Почему он падает? Ах да, он слишком сильно подался вперед и теперь вместе со сверкающей сталью нависает над бедной...

Ай-яй!

Надо убрать задние лапы, скорее убрать задние!..

Извини, человек, я не хотела!

Так получилось, случайно! Случайно! Наши задние лапы столкнулись, но бедная обезьяна не виновата, что ты все-таки упал! Ты кричишь, бедный человек? Жаль, что ты не умеешь падать, что ты упал прямо на правую лапу, в которой сжимал эту нелепую серую полосу! Тебе больно, с твоей лапой что-то не так?

Извини!

Извини, я уже убегаю, вот только заберу свою железяку, чтобы она тебя не раздражала, вот она в моей лапе, кувырок, уже встаю...

Какой же ты глупый, человек!

Зачем же ты поднимался мне навстречу, поднимался, не глядя? Бедная глупая обезьяна не виновата, что ты наткнулся на железяку! Зачем обезьяне вообще железяка?

Что с тобой, человек? Обезьянке страшно! Почему ты не встаешь? Тебе больно?

* * *

– Mort Dieu! Вы же убили его, Гуаира!

Пожимаю плечами и принимаюсь отряхивать мокрые иголки, налипшие на рубаху. Шпага так и осталась в теле – дотрагиваться до теплого эфеса нет ни желания, ни сил.

В глазах шевалье – ужас, такой же, как у мертвого маркиза.

– Знаете, когда вы упали, я уже подумал было... Черт, дьявол! Где вы научились такому?

До каменной стены мавзолея – всего несколько шагов. Не понимая, зачем, подхожу ближе, прикасаюсь лбом к холодным влажным камням.

Ужас, таившийся где-то глубоко, под сердцем, проступает, заполняет душу.

Священник не должен убивать! Даже такой, как я.

Простишь ли, Господи?

Хотя бы за это?

Поднимаю взгляд. На сером камне – еле заметные буквы, осыпавшиеся, полустертые.

L...I...B...E...N...T...I...S

M...E...R...I...T...A

Libentis merita – по заслугам жертвуя.

Это ли Твой ответ?

Комментарии Гарсиласио де ла Риверо, римского доктора богословия

D

Синьор дю Бартас, о котором с такой теплотой повествует автор, на самом деле безграмотный грубиян, ландскнехт, привыкший продавать свою шпагу кому угодно. Кстати, стихи, которые шевалье дю Бартас якобы цитирует, – полнейшая выдумка автора. Во всяком случае, мне ни разу слышать их не доводилось. Насколько мне известно, они вообще не французские, а написаны и изданы где-то в Полонии или Валахии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.